НЯНЬКА.

РАЗСКАЗЪ

К. М. Станюковича.

C.TICTEPEYPTCKART

Linux (8) Men.

89

Дорогіе друзья!

Представляемъ васъ разсказъ Константина Михайловича Станюковича «Нянька». Въ немъ говорится о матросѣ, взятомъ въ домъ морского офицера на должность деньщика: онъ долженъ былъ присматривать за господскимъ сыномъ.

Матросъ оказался прекраснымъ воспитателемъ, и мальчикъ очень привязался къ нему. Когда подопечный матроса выросъ, то сталъ морскимъ офицеромъ, и главный герой жилъ у него, нянчилъ его дътей и старикомъ умеръ въ домъ воспитанника.

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія въ соотвѣтствіи съ изданіемъ отъ 1895 года ¹.

Пріятнаго вамъ прочтенія, друзья!

¹ Станюковичъ, Константинъ Михайловичъ (1843–1903). Нянька: Разсказъ К.М. Станюковича. – Санктъ-Петербургъ: С.-Петерб. ком. грамотности, состоящій при Вольн. экон. о-вѣ, 1895. – 80 с.: ил.; 19.

НЯНЬКА.

РАЗСКАЗЪ

К. М. Станюковича.

Изданіе С.-Петербургскаго Комитета Грамотности, состоящего при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Вольномъ Экономическомъ Обществъ.

Дозволено цензурою. СПб., 20 Ноября 1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Типографія П. П. Сойкина. Стремянная, 12.

1895.

Нянька.

Посвящается Константину Константиновичу Станюковичу.

Ī.

Однажды вешнимъ утромъ, когда въ кронштадтскихъ гаваняхъ давно уже кипъли работы по изготовленію судовъ къ лътнему плаванію, въ столовую небольшой квартиры капитана второго ранга Василія Михайловича Лузгина вошелъ деньщикъ, исполнявшій обязанности лакея и повара. Звали его Иванъ Кокоринъ.

Обдергивая только-что надѣтый поверхъ форменной матросской рубахи засаленный черный сюртукъ, Иванъ доложилъ своимъ мягкимъ, вкрадчивымъ теноркомъ:

— Новый деньщикъ явился, барыня. Баринъ изъ экипажа прислали.

Барыня, молодая, видная блондинка большими сърыми глазами, сидъла за самоваромъ, въ голубомъ капотъ, въ маленькомъ чепцъ на головъ, прикрывавшемъ неубранные, завязанные узелъ, свътлорусые волосы, и пила кофе. Рядомъ съ ней, на стульчикъ, лѣниво отхлебывалъ высокомъ болтая ногами, черноглазый мальчикъ лътъ семи или восьми въ красной рубашкъ съ золотымъ позументомъ. Сзади стояла, держа грудного ребенка на рукахъ, худощавая, робкая дъвушка, босая и въ затасканномъ ситцевомъ платьъ. Ее всъ звали Анюткой. Она была единственной кръпостной Лузгиной, отданной ей въ числъ приданаго еще подросткомъ.

- Ты, Иванъ, знаешь этого деньщика? спросила барыня, поднимая голову.
  - Не знаю, барыня.

- А какъ онъ на видъ?
- Какъ есть грубая матрозня! Безо всякаго обращенія, барыня! отвъчалъ Иванъ, презрительно выпячивая свои толстая, сочныя губы.

Самъ онъ вовсе не походилъ на матроса.

Полнотѣлый, гладкій и румяный, съ рыжеватыми намасленными волосами, съ веснущатымъ, гладко выбритымъ лицомъ человѣка лѣтъ тридцати пяти и съ маленькими, заплывшими глазками, онъ и наружнымъ своимъ видомъ, и нѣкоторою развязностью манеръ напоминалъ собою скорѣе двороваго, привыкшаго жить около господъ.

Онъ съ перваго же года службы попалъ въ деньщики и съ тѣхъ поръ постоянно находился на берегу, ни разу не ходивши въ море.

У Лузгиныхъ онъ жилъ въ деньщикахъ вотъ уже три года и, не смотря на требовательность барыни, умътъ угождать ей.

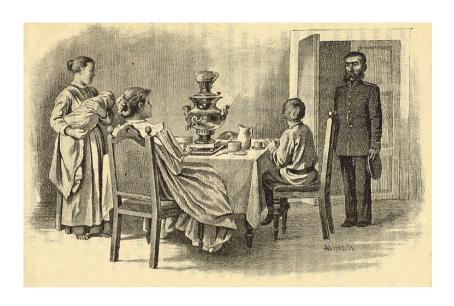
- A не замѣтно, что онъ пьяница? снова спросила барыня, не любившая пьяныхъ деньщиковъ.
- Не оказываетъ будто по личности, а кто его знаетъ? Да вотъ сами изволите осмотрѣть и допросить деньщика, барыня! прибавилъ Иванъ.
  - Ну пошли его сюда!

Иванъ вышелъ, бросивъ на Анютку быстрый, нѣжный взглядъ.

Анютка сердито повела бровями.

II.

Въ дверяхъ показался коренастый, маленькаго роста чернявый матросъ съ мѣдною серьгой въ ухѣ. На видъ ему было лѣтъ пятьдесятъ. Застегнутый въ мундиръ, высокій воротникъ котораго рѣзалъ его краснобурую шею, онъ казался неуклюжимъ и весьма

неказистымъ. Переступивъ осторожно черезъ порогъ, матросъ вытянулся, какъ слѣдуетъ, передъ начальствомъ, вытаращилъ на барыню слегка глаза и замеръ въ неподвижной позѣ, держа по швамъ здоровенныя волосатыя руки, жилистыя и черныя отъ впитавшейся смолы.

На правой рукъ не доставало двухъ пальцевъ.

Этотъ черный, какъ жукъ, матросъ съ грубыми чертами некрасиваго, рябоватаго, съ красной кожей лица, сильно заросшаго черными, какъ смоль, баками и усами, съ густыми взъерошенными бровями, которыя придавали его типичной физіономіи заправскаго марсоваго нѣсколько сердитый видъ, — произвелъ на барыню видимо непріятное впечатлѣніе.

«Точно лучше не могъ найти!» — мысленно произнесла она, досадуя, что мужъ выбралъ такого грубаго мужлана.

Она снова оглядѣла стоявшаго неподвижно матроса и обратила вниманіе и на его слегка изогнутыя ноги съ большими, точно медвѣжьими, ступнями, и на

отсутствіе двухъ пальцевъ, и — главное — на носъ, широкій, мясистый носъ, малиновый цвѣтъ котораго внушалъ ей тревожныя подозрѣнія.

- Здравствуй! произнесла наконецъ барыня недовольнымъ, сухимъ тономъ, и ея большіе сърые глаза стали строги.
- Здравія желаю, вашескобродіе, гаркнулъ въ отвътъ матросъ зычнымъ баскомъ, видимо не сообразивъ размъра комнаты.

Этотъ окрикъ заставилъ барыню вздрогнуть.

- Не кричи такъ! строго сказала она и оглянулась, не испугался ли ребенокъ. Ты, кажется, не на улицъ, а въ комнатъ. Говори тише.
- Есть, вашескобродіе, значительно понижая голосъ, отв'тилъ матросъ.
  - Еще тише. Можешь говорить тише?
- Буду стараться, вашескобродіе! произнесь онъ совсѣмъ тихо и сконфуженно, предчувствуя, что барыня будетъ «нудить» его.
  - Какъ тебя зовутъ?
  - Өедосомъ, вашескобродіе.

Барыня поморщилась точно отъ зубной боли. Совсъмъ неблагозвучное имя!

- А фамилія?
- Чижикъ, вашескобродіе!
- Какъ? переспросила барыня.
- Чижикъ... бедосъ Чижикъ!

И барыня, и мальчуганъ, давно уже оставившій молоко и не спускавшій любопытныхъ и нѣсколько испуганныхъ глазъ съ этого волосатаго матроса, невольно засмѣялись, а Анютка фыркнула въ руку, — до того фамилія эта не подходила къ его наружности.

И на серьезномъ и напряженномъ лицѣ Өедоса Чижика появилась необыкновенно добродушная и пріятная улыбка, которая словно бы подтверждала, что и

самъ Чижикъ находитъ свое прозвище нѣсколько смѣшнымъ.

Мальчикъ перехватилъ эту улыбку, совсѣмъ преобразившую суровое выраженіе лица матроса. И нахмуренныя его брови, и усы, и баки не смущали больше мальчика. Онъ сразу почувствовалъ, что Чижикъ добрый, и онъ ему теперь рѣшительно нравился. Даже и запахъ смолы, который шелъ отъ него, показался ему особенно пріятнымъ и значительнымъ.

И онъ сказалъ матери:

- Возьми, мама, Чижика.
- Taisez-vous! ² замѣтила мать.

И принимая серьезный видъ, продолжала допросъ:

- У кого ты прежде былъ деньщикомъ?
- Вовсе не былъ въ этомъ званіи, вашескобродіе.
  - Никогда не былъ деньщикомъ?
- Точно такъ, вашескобродіе. По флотской части состоялъ. Форменнымъ, значитъ, матросомъ, вашескобродіе..
- Зови меня просто барыней, а не своимъ дурацкимъ вашескобродіемъ.
  - Слушаю, вашеско... виноватъ, барыня!
  - И въстовымъ никогда не былъ!
  - Никакъ-нѣтъ.

— Почему же тебя теперь назначили въ деньщики?

— По причинѣ пальцевъ! — отвѣчалъ Өедосъ, опуская глаза на руку, лишенную большаго и указательнаго пальцевъ. — Марса-фаломъ оторвало прошлымъ лѣтомъ на «конвертѣ», на «Копчикѣ»...

² Замолчи, заткнись (франц.). – Въ исходномъ изданіи переводъ отсутствуєтъ. – *Примъчаніе издателя*.

- Такъ мужъ тебя знаетъ?
- Три лѣта съ ими на «Копчикѣ» служилъ подъ ихъ командой.

Это извъстіе, казалось, нъсколько успокоило барыню. И она уже менъе сердитымъ тономъ спросила:

- Ты водку пьешь?
- Употребляю, барыня! добросовъстно признался Өедосъ.
  - И... много ее пьешь?
  - Въ плепорцію, барыня.

Барыня недовърчиво покачала головой.

- Но отчего же у тебя носъ такой красный, а?
- Съ роду такой, барыня.
- А не отъ водки?
- Не должно быть. Я завсегда въ своемъ видѣ, ежели когда и выпью въ праздникъ.
- Деньщику пить нельзя... Совсѣмъ нельзя... Я терпѣть не могу пьяницъ! Слышишь? внушительно прибавила барыня.

Өедосъ повелъ нѣсколько удивленнымъ взглядомъ на барыню и промолвилъ, чтобы подать реплику:

- Слушаю-съ!
- Помни это.

Өедосъ дипломатически промолчалъ.

- Мужъ говорилъ, на какую должность тебя берутъ?
- Никакъ нътъ. Только приказали явиться къ вамъ.
- Ты будешь ходить вотъ за этимъ маленькимъ бариномъ, указала барыня движеніемъ головы на мальчика. Будешь при немъ нянькой.

Өедосъ ласково взглянулъ на мальчика, а мальчикъ на Өедоса, и оба улыбнулись.

Барыня стала перечислять обязанности

деньщика-няньки.

Онъ долженъ будить маленькаго барина въ восемь часовъ и одъть его; весь день находиться при немъ безотлучно и беречь его какъ зеницу ока. Каждый день ходить гулять съ нимъ... Въ свободное время стирать его бълье...

- Ты стирать умѣешь?
- Свое бѣлье сами стираемъ! отвѣчалъ Өедосъ и подумалъ, что барыня, должно быть, не очень башковата, если спрашиваетъ, умѣетъ-ли матросъ стирать.
- Подробности всѣхъ твоихъ обязанностей я потомъ объясню, а теперь отвѣчай: понялъ ты, что отъ тебя требуется?

Въ глазахъ матроса скользнула едва замѣтная улыбка.

- «Не трудно, дескать, понять!» говорила, казалось, она.
- Понялъ, барыня! отвъчалъ Өедосъ нъсколько удрученный и этимъ торжественнымъ тономъ, какимъ говорила барыня, и этими длинными объясненіями, и окончательно ръшилъ, что въ барынъ большого разсудка нътъ, коли она такъ зря «языкомъ брешетъ».
  - Ну, а дѣтей ты любишь?..
- За что дътей не любить, барыня. Извъстно... дитё. Что съ него взять...
- Иди на кухню теперь и подожди пока вернется Василій Михайловичъ... Тогда, я окончательно ръшу: оставлю я тебя или нътъ.

Находя, что матросу въ мундирѣ слѣдуетъ добросовѣстно исполнить роль понимающаго муштру подчиненнаго, Өедосъ по всѣмъ правиламъ строевой службы повернулся налѣво кругомъ, вышелъ изъ столовой и прошелъ на дворъ покурить трубочки.

- Ну что, Шура, тебѣ, кажется, понравился этотъ мужланъ?
  - Понравился, мама. И ты его возьми.
  - Вотъ у папы спросимъ: не пьяница-ли онъ?
- Да вѣдь Чижикъ говорилъ тебѣ, что не пьяница.
  - Ему върить нельзя.
  - Отчего?
- Онъ матросъ... мужикъ. Ему ничего не стоитъ солгать.
- A онъ умѣетъ разсказывать сказки? Онъ будетъ со мной играть?
  - Върно умъетъ и играть долженъ...
  - А вотъ Антонъ не умълъ и не игралъ со мной.
  - Антонъ былъ лѣнтяй, пьяница и грубіянъ.
  - За это его и посылали въ экипажъ, мама?
  - Да.
  - И тамъ сѣкли?
  - Да, милый, чтобъ его исправить.
- А онъ возвращался изъ экипажа всегда сердитый. И со мной даже говорить не хотълъ...
- Оттого, что Антонъ былъ дурной человѣкъ. Его ничѣмъ нельзя было исправить.
  - Гдъ теперь Антонъ?
  - Не знаю...

Мальчикъ примолкъ, задумавшись, и наконецъ серьезно проговорилъ:

- А ужъ ты, мама, если меня любишь, не посылай Чижика въ экипажъ, чтобъ его тамъ сѣкли, какъ Антона, а то и Чижикъ не будетъ разсказывать мнѣ сказокъ и будетъ браниться, какъ Антонъ...
  - Онъ развъ смълъ тебя бранить?
  - Подлымъ отродьемъ называлъ... Это, върно,

что нибудь нехорошее...

- Ишь негодяй какой!... Зачъмъ же ты, Шура, не сказалъ мнъ, что онъ тебя такъ называлъ?
- Ты послала бы его въ экипажъ, а мнѣ его жалко...
- Такихъ людей не стоитъ жалѣть... И ты, Шура, не долженъ ничего скрывать отъ матери.

При разговоръ объ Антонъ Анютка подавила вздохъ.

Этотъ молодой, кудрявый Антонъ дерзкій и безшабашный, любившій выпить и тогда хвастливый и задорный, оставиль въ Анюткѣ самыя пріятныя воспоминанія о тѣхъ двухъ мѣсяцахъ, что онъ пробылъ въ нянькахъ у барчука.

Влюбленная въ молодого деньщика, Анютка нерѣдко проливала слезы, когда баринъ, по настоянію барыни, отправлялъ Антона въ экипажъ для наказанія. А это частенько случалось. И до сихъ поръ Анютка съ восторгомъ вспоминаетъ, какъ хорошо онъ игралъ на балалайкѣ и пѣлъ пѣсни. И какіе у него смѣлые глаза. Какъ онъ не спускалъ самой барынѣ, особенно когда выпьетъ! И Анютка въ тайнѣ страдала, сознавая безнадежность своей любви. Антонъ не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія и ухаживалъ за сосѣдской горничной.

Куда онъ милѣе этого барынина наушника, противнаго рыжаго Ивана, который преслѣдуетъ ее своими любезностями... Тоже воображаетъ о себѣ рыжій дьяволъ! Проходу на кухнѣ не даетъ...

Въ эту минуту ребенокъ, бывшій на рукахъ у Анютки, проснулся и залился плачемъ.

Анютка торопливо заходила по комнатѣ, закачивая ребенка и напѣвая ему пѣсни звонкимъ пріятнымъ голоскомъ.

Ребенокъ не унимался. Анютка пугливо

взглядывала на барыню.

— Подай его сюда, Анютка! Совсѣмъ ты не умѣешь няньчить! — раздражительно крикнула молодая женщина, разстегивая бѣлою пухлою рукой воротъ капота.

Очутившись у груди матери, малютка мгновенно затихъ и жадно засосалъ, быстро перебирая губенками и весело глядя передъ собою глазами, полными слезъ.

— Убирай со стола да смотри не разбей чегонибудь.

Анютка бросилась къ столу и стала убирать съ безтолковой торопливостью запуганнаго созданія.

IV.

Въ началѣ перваго часа, когда въ порту зашабашили, изъ военной гавани, гдѣ вооружался «Копчикъ», вернулся домой Василій Михайловичъ Лузгинъ, довольно полный, представительный брюнетъ, лѣтъ сорока, съ небольшимъ брюшкомъ и лысый, въ потертомъ рабочемъ сюртукѣ, усталый и голодный.

Въ моментъ его прихода завтракъ былъ на столъ.

Морякъ звонко поцѣловалъ жену и сына и выпилъ одну за другой двѣ рюмки водки. Закусивъ селедкой, онъ набросился на бифстексъ съ жадностью сильно проголодавшагося человѣка. Еще-бы! Съ пяти часовъ утра, послѣ двухъ стакановъ чая, онъ ничего не ѣлъ.

Утоливъ голодъ, онъ нѣжно взглянулъ на свою молодую, пріодѣтую, пригожую жену и спросилъ:

- Ну что, Марусенька, поправился новый деньщикъ?
  - Развъ такой деньщикъ можетъ понравиться? Въ маленькихъ, добродушныхъ, темныхъ

глазахъ Василія Михайловича мелкнуло безпокойство.

- Грубый, неотесанный какой-то... Сейчасъ видно, что никогда не служилъ въ домахъ.
- Это точно, но за-то, Маруся, онъ надежный человъкъ. Я его знаю.
- И этотъ подозрительный носъ... Онъ навѣрное пьяница! настаивала жена.
- Онъ пьетъ чарку, другую, но увѣряю тебя, что не пьяница, осторожно и необыкновенно мягко возразилъ Лузгинъ.

И зная хорошо, что Марусенька не любить, когда ей противоръчать, считая это кровной обидой, онъ поспъшиль прибавить:

- Впрочемъ, какъ хочешь. Если не нравится, я пріищу другого деньщика.
- Гдѣ опять искать?.. Шурѣ не съ кѣмъ гулять... Ужъ Богъ съ нимъ... Пусть остается, поживетъ... Я посмотрю, какое это сокровище твой Чижикъ!
- Фамилія у него д'яйствительно см'яшная! проговорилъ, см'ясь, Лузгинъ.
  - И имя самое мужицкое... Өедосъ!
- Что-жъ, можно его иначе звать, какъ тебъ угодно... Ты право, Маруся, не раскаешься... Онъ честный и добросовъстный человъкъ... Какой форъмарсовой былъ!.. Но если ты не хочешь отошлемъ Чижика... Твоя княжая воля...

Марья Ивановна и безъ увѣреній мужа знала, что влюбленный въ нее простодушный и простоватый Василій Михайловичъ дѣлалъ все, что только она хотѣла, и былъ покорнѣйшимъ ея рабомъ, ни разу вътеченіе десятилѣтняго супружества и не помышлявшимъ о сверженіи ига своей красивой жены.

Тъмъ не менъе, она нашла нужнымъ сказать:

— Хоть мит и не нравится этотъ Чижикъ, но я

оставлю его, такъ какъ ты этого хочешь.

- Но, Марусенька... Зачѣмъ?... Если ты не хочешь.
- Я его беру! властно произнесла Марья Ивановна.

Василію Михайловичу оставалось только благодарно взглянуть на Марусеньку, оказавшую такое вниманіе къ его желанію. И Шурка былъ очень доволенъ, что Чижикъ будетъ его нянькой.

Новаго деньщика опять позвали въ столовую. Онъ снова вытянулся у порога и безъ особенной радости выслушалъ объявленіе Марьи Ивановны, что она его оставляетъ.

Завтра же утромъ онъ переберется къ нимъ со своими вещами. Помъстится вмъстъ съ поваромъ.

- А сегодня въ баню сходи... Отмой свои черныя руки, прибавила молодая женщина, не безъ брезгливости взглядывая на просмоленныя шершавыя руки матроса.
- Осмѣлюсь доложить, вразъ не отмоешь... Смола! пояснилъ Өедосъ и какъ бы въ подтвержденіе справедливости этихъ словъ перевелъ взглядъ на бывшаго своего командира.

«Дескать, объясни ей, коли она ничего не понимаетъ!»

- Со временемъ смола выйдетъ, Маруся... Онъ постарается ее вывести...
  - —Такъ точно, вышескобродіе.
- И не кричи ты такъ, Өеодосій... Ужъ я тебъ нъсколько разъ говорила...
- Слышишь, Чижикъ... Не кричи! подтвердилъ Василій Михайловичъ.
  - Слушаю, вашескобродіе...
- Да смотри, Чижикъ, служи въ деньщикахъ такъ же хорошо, какъ служилъ на корветъ. Береги сына.

- Есть, вашескобродіе!
- И водки въ ротъ не бери! замѣтила барыня...
- Да, братецъ, остерегайся, нерѣшительно поддакнулъ Василій Михайловичъ, чувствуя въ то же время фальшь и тщету своихъ словъ и увѣренный, что Чижикъ при случаѣ выпьетъ въ мѣру.
- Да вотъ еще, что Өеодосій... Слышишь, я тебя, буду звать Өеодосіемъ...
  - Какъ вгодно, барыня.
- Ты разныхъ тамъ мерзкихъ словъ не говори, особенно при ребенкъ. И если на улицъ матросы ругаются, уводи барина.
- То-то, не ругайся, Чижикъ. Помни, что ты не на бакъ, а въ комнатахъ!
  - Не извольте сумлъваться, вашескобродіе.
- И во всемъ слушайся барыни. Что она прикажетъ, то и исполняй. Не противоръчь...
  - Слушаю, вашескобродіе...
- И Боже тебя сохрани, Чижикъ, осмѣлиться нагрубить барынѣ. За малѣйшую грубость я велю тебѣ шкуру спустить! строго и рѣшительно сказалъ Василій Михайловичъ. Понялъ?
  - Понялъ, вашескобродіе.

Наступило молчаніе.

- «Слава Богу, конецъ!» подумалъ Чижикъ.
- Онъ больше тебъ не нуженъ, Марусенька?
- Нѣтъ.
- Можешь идти, Чижикъ... Скажи фельдфебелю, что я взялъ тебя! проговорилъ Василій Михайловичъ добродушнымъ тономъ, словно бы минуту тому назадъ и не грозилъ «спустить шкуры».

Чижикъ вышелъ словно изъ бани и, признаться, былъ сильно озадаченъ поведеніемъ бывшаго своего командира.

Еще бы!

На корветъ онъ казался орелъ-орломъ, особенно, когда стоялъ на мостикъ во время авраловъ, или управлялся въ свъжую погоду, а здъсь вотъ, при женъ, совсъмъ другой, «вродъ бытто послушливаго теленка». И опять же на службъ онъ былъ съ матросомъ «доберъ», дралъ ръдко и съ разсудкомъ, а не зря, и этотъ же самый командиръ изъ-за своей «бълобрысой» шкуру грозитъ спустить.

«Эта заноза-баба всѣмъ здѣсь командуетъ!» — подумалъ Чижикъ не безъ нѣкотораго презрительнаго сожалѣнія къ бывшему своему командиру.

«Ей, значитъ, трафь!» — мысленно проговорилъ онъ.

- Къ намъ перебираетесь, землякъ? остановилъ его на кухнъ Иванъ.
- То-то къ вамъ, довольно сухо отвѣчалъ Чижикъ, вообще не любившій деньщиковъ и вѣстовыхъ и считавшій ихъ, по сравненію съ настоящими матросами, лодырями.
- Мѣста, не бойсь, хватитъ... У насъ помѣщеніе просторное... Не прикажете-ли цыгарку?..
- Спасибо, братецъ. Я трубку... Пока-что до свиданія.

Дорогой въ экипажъ, Чижикъ размышлялъ о томъ, что въ деньщикахъ да еще съ такой «занозой», какъ Лузгиниха, будетъ «нудно». Да и вообще жить при господахъ ему не нравилось.

И онъ пожалѣлъ, что ему оторвало марсафаломъ пальцы. Не лишись онъ пальцевъ, былъ бы онъ по прежнему форменнымъ матросомъ до самой отставки.

— А то: «водки въ ротъ не бери!» Скажи, пожалуйста, что выдумала бабья дурья башка! — вслухъ проговорилъ Чижикъ, подходя къ казармамъ.

Къ восьми часамъ слѣдующаго утра Өедосъ перебрался къ Лузгинымъ со своими пожитками — небольшимъ сундучкомъ, тюфякомъ, подушкой въ чистой наволочкѣ розоваго ситца, недавно подаренной кумойбоцманшей, и балалайкой. Сложивъ все это въ уголъкухни, онъ снялъ съ себя стѣсняющій его мундиръ и, облачившись въ матросскую рубаху и надѣвши башмаки, явился къ барынѣ, готовый вступить въ свои новыя обязанности няньки.

Въ свободно сидъвшей на немъ рубахъ, съ широкимъ отложнымъ воротомъ, открывавшимъ кръпкую жилистую шею, и въ просторныхъ штанахъ Өедосъ имълъ совсъмъ другой — непринужденный и даже не лишенный нъкоторой своебразной пріятности — видъ лихого, бывалаго матроса, съумъющаго найтись при всякихъ обстоятельствахъ. Все на немъ сидъло ловко и производило впечатлъніе опрятности. И пахло отъ него, по мнънію Шурки, какъ-то особенно пріятно: смолой и махоркой.

Барыня, внимательно оглядѣвшая и Өедоса, и его костюмъ, нашла, что новый деньщикъ ничего-себѣ, не такъ уже безобразенъ и мужиковатъ, какъ казался вчера. И выраженіе лица не такое суровое.

Только его темныя руки все еще смущали госпожу Лузгину, и она спросила, кидая брезгливый взглядъ на руки матроса:

- Ты въ банѣ былъ?
- Точно такъ, барыня.

И, словно бы оправдываясь, прибавилъ:

- Сразу смолы не отмыть. Никакъ невозможно.
- Ты все-таки чаще руки мой. Держи ихъ чисто.
- Слушаю-съ.

Затъмъ молодая женщина, опустивъ глаза на

парусинные башмаки Өедоса, замътила строгимътономъ:

- Смотри... Не вздумай еще босымъ показываться въ комнатахъ. Здѣсь не палуба и не матросы...
  - Есть, барыня.
- Ну, ступай, напейся чаю... Вотъ тебѣ кусокъ сахара.
- Покорно благодарю! отвъчалъ матросъ, осторожно принимая кусокъ, чтобы не коснуться своими пальцами бълыхъ пальцевъ барыни.
- Да долго не сиди на кухнъ. Приходи къ Александру Васильевичу.
- Приходи поскоръй, Чижикъ! попросилъ и Шурка.
  - Живо обернусь, Лександра Васильичъ!

Съ перваго же дня Өедосъ вступилъ съ Шуркой въ самыя пріятельскія отношенія.

Первымъ дѣломъ Шурка повелъ Өедоса въ дѣтскую и сталъ показывать свои многочисленныя игрушки. Нѣкоторыя изъ нихъ возбудили удивленіе въ матросѣ, и онъ разсматривалъ ихъ съ любопытствомъ, чѣмъ доставилъ мальчику большое удовольствіе. Сломанную мельницу и испорченный пароходъ Өедосъ обѣщалъ починить — будутъ дѣйствовать.

- Hy? недовърчиво спросилъ Шурка. Ты развъ съумъещь?
  - То-то попробую.
  - Ты и сказки умъешь, Чижикъ?
  - И сказки умѣю.
  - И будешь мнѣ разсказывать?
- Отчего-жъ не разсказать? По времени можно и сказку.
  - А я тебя, Чижикъ, за то любить буду...

Вмѣсто отвѣта, матросъ ласково погладилъ

голову мальчика шаршавой рукой, улыбаясь при этомъ необыкновенно мягко и ясно своими глазами изъ-подъ нависшихъ взъерошенныхъ бровей.

Такая фамильярность не только не была непріятна Шуркѣ, который слышаль отъ матери, что не слѣдуетъ допускать какой-нибудь короткости съ прислугой, но, напротивъ, еще болѣе расположила его къ Өедосу.

Й онъ проговорилъ, понижая голосъ:

- И знаешь что, Чижикъ?
- Что, барчукъ?..
- Я никогда не стану на тебя жаловаться мамъ...
- Зачѣмъ жаловаться?.. Небойсь, я не забижу ничѣмъ маленькаго барчука... Дитё забижать не годится. Это самый большой грѣхъ... Звѣрь и тотъ не забиждаетъ щенятъ... Ну, а ежели, случаемъ, промежъ насъ и выйдетъ свара какая, продолжалъ Өедосъ, добродушно улыбаясь, мы и сами разберемся безъ маменьки... Такъ-то лучше, барчукъ... А то что кляузы заводить зря?.. Не хорошее это дѣло, братецъ ты мой, кляузы... Самое послѣднее дѣло! прибавилъ матросъ, свято исповѣдывавшій матросскія традиціи, воспрещающія кляузы.

Шурка согласился, что это нехорошее дѣло — онъ и отъ Антона, и отъ Анютки это слышалъ не разъ, — и поспѣшилъ объяснить, что онъ даже и на Антона не жаловался, когда тотъ назвалъ его «подлымъ отродьемъ», чтобъ его не отправляли сѣчь въ экипажъ...

- И безъ того его часто посылали... Онъ мамъ грубилъ! И пьяный бывалъ! прибавилъ мальчикъ конфиденціальнымъ тономъ...
- Вотъ это правильно, барчукъ... Совсѣмъ правильно! почти нѣжно проговорилъ Өедосъ и одобрительно потрепалъ Шурку по плечу. Сердце-то

дътское умудрило пожалъть человъка... Положимъ, этотъ Антонъ, прямо сказать, виноватъ... Развъ можно на дитъ вымещать сердце?.. Дуракъ онъ во всей формъ! А вы-то дуракову вину оставили безо вниманія даромъ, что глупаго возраста... Молодца, барчукъ!

Шурка былъ видимо польщенъ одобреніемъ Чижика, хотя оно и шло въ разрѣзъ съ приказаніемъ матери не скрывать отъ нея ничего.

А Өедосъ осторожно присѣлъ на сундукъ и продолжалъ:

- Скажи вы тогда маменькъ про эти самыя Антоновы слова, отодрали бы его, какъ Сидорову козу... Сдълайте ваше одолженіе!
- А это что значитъ?.. Какая такая коза, Чижикъ?..
- Скверная, барчукъ, коза, усмѣхнулся Чижикъ. Это такъ говорится, ежели, значитъ, очень долго сѣкутъ матроса... Вродѣ какъ до безчувствія...
  - А тебя съкли, какъ Сидорову козу, Чижикъ?..
- Меня-то?.. Случалось прежде... Всяко бывало...
  - И очень больно?
  - Небойсь, несладко...
  - А за что?..
- За флотскую часть... вотъ за что... Особенно не разбирали...

Шурка помолчаль и, видимо желая подълиться съ Чижикомъ кое-чъмъ небезъинтереснымъ, наконецъ проговорилъ нъсколько таинственно и серіозно:

- И меня съкли, Чижикъ.
- Ишь ты, бъдный... Такого маленькаго?..
- Мама съкла... И тоже было больно...
- За что жъ васъ-то?..
- Разъ за чашку мамину... я ее разбилъ, а другой разъ, Чижикъ, я мамы не слушалъ... Только ты,

Чижикъ, никому не говори...

- Не бойся, милой, никому не скажу...
- Папа, тотъ ни разу не сѣкъ.
- И любезное дѣло... Зачѣмъ сѣчь?
- А вотъ Петю Голдобина, знаешь адмирала Голдобина? такъ того все только папа его наказываетъ... И часто...

Өедосъ неодобрительно покачалъ головой. Не даромъ и матросы не любили этого Голдобина. Форменная собака!

- А на «Копчикъ» папа наказываетъ матросовъ?
  - Безъ эстаго нельзя, барчукъ.
  - И сѣчетъ?
- Случается. Однако папенька вашъ доберъ... Его матросы любятъ...
- Еще бы.. Онъ очень добрый! А хорошо теперь погулять бы на дворѣ, Чижикъ! воскликнулъ мальчикъ, круто мѣняя разговоръ и взглядывая прищуренными глазами въ окно, изъ котораго лились снопы свѣта, заливая блескомъ комнату.
- Что-жъ, погуляемъ... Солнышко такъ и играетъ. Веселитъ душу-то.
  - Только надо маму спросить...
- Знамо надо отпроситься... Безъ начальства и насъ не пускають!
  - Върно пуститъ?
  - Надо быть, пуститъ!

Шурка убъжалъ и, вернувшись черезъ минуту, весело воскликнулъ:

- Мама пустила! Только велѣла теплое пальто надѣть и потомъ ей показаться. Одѣнь меня, Чижикъ!.. Вонъ пальто виситъ... Тамъ и шапка, и шарфъ на шею...
- Ну жъ и одежи на васъ, барчукъ... Ровно въ морозъ! усмъхнулся Өедосъ, одъвая мальчика.

- И я говорю, что жарко...
- То-то жарко будетъ...
- Мама не позволяетъ другого пальто... Ужъ я просилъ... Ну, идемъ къ мамѣ!

Марья Ивановна осмотръла Шурку и, обращаясь къ Өедосу, проговорила:

— Смотри, береги барина... Чтобъ не упалъ да не ушибся!

«Какъ доглядишь! И что за оѣда, коли мальченка упадетъ!» — подумалъ Өедосъ, совсѣмъ не одобрявшій барыню за ея праздныя слова, и оффиціальнопочтительно отвѣтилъ:

- Слушаю-съ!
- Ну, идите...

Оба довольные, они ушли изъ спальной, сопровождаемые завистливымъ взглядомъ Анютки, няньчившей ребенка.

— Одинъ секундъ обождите меня въ коллидоръ, барчукъ... Я только переобуюсь.

Өедосъ сбъгалъ въ комнату за кухней, переобулся въ сапоги, взялъ буршлатъ и фуражку, и они вышли на большой дворъ, въ глубинъ котораго былъ садъ съ зеленъющими почками на оголенныхъ деревьяхъ.

VI.

На дворѣ было славно.

Вешнее солнышко привѣтливо глядѣло голубого которому двигались неба. ПО перистыя, облачки, и пригрѣвало бѣлоснѣжныя изрядно. воздухѣ, полномъ бодрящей остроты, пахло свѣжестью, навозомъ и, благодаря сосъдству казармъ, кислыми щами и чернымъ хлѣбомъ. Вода капала съ крышъ, блестѣла въ колдобинкахъ и пробивала канавки на обнаженной,

испускавшей паръ землѣ съ едва пробившейся травкой. Все на дворѣ словно трепетало жизнью.

У сарая бродили, весело кудахтая, куры, и неугомонный пестрый пътухъ съ важнымъ дъловымъ неугомонный пестрый пътухъ съ важнымъ дъловымъ видомъ шагалъ по двору, отыскивая зеренъ и угощая ими своихъ подругъ. У колдобинъ гоготали утки. Стайка воробьевъ то и дъло слетала изъ сада на дворъ и прыгала, чирикая и ссорясь другъ съ другомъ. Голуби разгуливали по крышъ сарая, расправляли на солнцъ сизыя перья и ворковали о чемъ-то. На самомъ припекъ, у водовозной бочки, дремала большая рыжая дворняга и по временамъ щелкала зубами, ловя блохъ.

— Прелесть, Чижикъ! — воскликнулъ полный радости жизни Шурка и, словно пущенный на волю жеребенокъ, бросился со всъхъ ногъ черезъ дворъ къ сараю, вспугивая воробьевъ и куръ, которыя удирали во всъ лопатки и отчаяннымъ кудахтаньемъ заставили пътуха остановиться и въ недоумъніи поднять ногу.

— То-то хорошо! — промолвилъ матросъ.

И онъ присълъ на опрокинутомъ боченкъ у сарая, вынулъ изъ кармана маленькую трубчонку и кисетикъ съ табакомъ, набилъ трубочку, придавилъ мелкую махорку корявымъ большимъ пальцемъ и, закуривъ, затянулся съ видимымъ наслажденіемъ,

закуривъ, затянулся съ видимымъ наслажденіемъ, оглядывая весь дворъ — и куръ, и утокъ, и собаку, и травку, и ручейки — тъмъ проникновеннымъ,

травку, и ручейки — тѣмъ проникновеннымъ, любовнымъ взглядомъ, какимъ могутъ только смотрѣть люди, любящіе и природу, и животныхъ.
— Осторожнѣй, барчукъ!.. Не попадите въ ямку... Ишь воды-то... Уткѣ и лестно...
Шуркѣ скоро надоѣло бѣгатъ, и онъ присѣлъ къ Өедосу. Мальчика словно тянуло къ нему.
Они почти цѣлый день пробыли на дворѣ, — только ходили завтракать да обѣдать въ домъ, и въ эти часы Өедосъ обнаружилъ такое обиліе знаній, умѣлъ

такъ все объяснить и насчетъ куръ, и насчетъ утокъ, и насчетъ барашковъ на небъ, что Шурка ръшительно пришелъ въ восторженное удивленіе и проникся какимъто благоговъйнымъ уваженіемъ къ такому богатству свъдъній своего пестуна и только удивлялся, откуда это Чижикъ все знаетъ.

Словно бы цѣлый новый міръ открывался мальчику на этомъ дворѣ, и онъ впервые обратилъ вниманіе на все, что на немъ было и что оказывалось столь интереснымъ. И онъ въ восторгѣ слушалъ Чижика, который, разсказывая про животныхъ или про травку, казалось, самъ былъ и животнымъ, и травкой, до того онъ, такъ сказать, весь проникался ихъ жизнью...

Поводъ къ такому разговору подала шалость Шурки. Онъ запустилъ камнемъ въ утку и подшибъ ее... Та съ громкимъ гоготомъ отскочила въ сторону...

— Неправильно это, Лександра Васильичъ! —

— Неправильно это, Лександра Васильичъ! — проговорилъ Өедосъ, покачивая головой и хмуря нависшія свои брови. — Не-хо-ро-шо, братецъ ты мой! — протянулъ онъ съ ласковымъ укоромъ въ голосъ.

Шурка вспыхнулъ и не зналъ, обидъться ему или нътъ, и, сдълавъ видъ, что не слышитъ замъчанія Өедоса, съ искусственно-беззаботнымъ видомъ сталъ ссыпать ногой землю въ канавку.

— За что́ безотвѣтную утицу обидѣли? Вонъ она, бѣдная, хромаетъ и думаетъ: «за что́ меня мальчикъ зря зашибъ?...» И она пошла къ своему селезню жаловаться.

Шуркѣ было неловко — онъ понималъ, что поступилъ нехорошо — и въ то же время его заинтересовало, что Чижикъ говоритъ, будто утки думаютъ и могутъ жаловаться.

И онъ, какъ всѣ самолюбивыя дѣти, не любящія сознаваться передъ другими въ своей винѣ, подошелъ къ матросу и, не отвѣчая по существу, заносчиво

проговорилъ:

- Какую ты дичь несешь, Чижикъ! Развъ утки могутъ думать и еще жаловаться?
- А вы полагаете какъ?.. Небойсь, всякая тварь понимаетъ и свою думу думаетъ... И промежъ себя разговариваетъ по-своему... Гляди-кось, какъ воробушекъ-то зачуликалъ? указалъ Өедосъ тихимъ движеніемъ головы на воробья, слетъвшаго изъ сада. Ты думаешь, онъ спроста, шельмецъ: «чиликъ, да чиликъ!» Вовсе нътъ! Онъ, братецъ ты мой, отыскалъ корму да и сзываетъ товарищей. «Летите, молъ, братцы, кантовать вмъстъ! Вали валомъ, ребята!» Тоже воробей, а небойсь понимаетъ, что одному ъсть харчъ не годится... Я, молъ, ъмъ, и ты ъшь, а не то, что потихоньку отъ другихъ...

Шурка присѣлъ рядомъ на боченкѣ, видимо заинтересованный.

А матросъ продолжалъ:

— Вотъ хоть бы взять собаку... Лайку эту самую... Нешто она не понимаетъ, какъ сегодня въ объдъ Иванъ ее кипяткомъ ошпарилъ отъ своего озорства?.. Тоже нашелъ надъ къмъ куражиться? Надъ собакой, лодырь безстыжій! — съ сердцемъ говорилъ Өедосъ... — Небойсь, теперь эта самая Лайка къ кухнъ не подойдетъ... И подальше отъ кухни-то... Знаетъ, какъ тамъ ее встрътятъ... Къ намъ вотъ не боится!

И съ этими словами Өедосъ подозвалъ лохматую, далеко не казистую собаку съ умной мордой и, погладивъ ее, проговорилъ:

— Чтò, братъ, попало отъ дурака-то?.. Покажи-ка спину?..

Лайка лизнула руку матроса.

Матросъ осторожно осмотрѣлъ ея спину.

— Hy, Лаечка, не очень-то тебя ошпарили... Ты больше отъ досады, значитъ, визжала... Не бойся... Ужъ

теперь я тебя въ обиду не дамъ...

Собака опять лизнула руку и весело замахала хвостомъ.

— Вонъ и она чувствуетъ ласку... Смотрите, барчукъ... Да что̀ собака... Всякая насѣкомая, и та понимаетъ, да сказать только не можетъ... Травка и та, словно пискнетъ, какъ ты ее придавишь...

Много еще говорилъ словоохотливый Өедосъ, и Шурка былъ совсъмъ очарованъ. Но воспоминаніе объуткъ смущало его, и онъ безпокойно проговорилъ:

- А не пойдемъ-ли, Чижикъ, посмотрѣть утку... Не сломана-ли у нея нога?
- Нѣтъ, видно, ничего... Вонъ она переваливается... Небойсь, безъ фершала поправилась? засмѣялся Федосъ и, понявши, что мальчику стыдно, погладилъ его по головѣ и прибавилъ: Она, братецъ ты мой, ужъ не сердится... Простила... А завтра мы ей хлѣба принесемъ, если насъ гулять пустятъ...

Шурка уже былъ влюбленъ въ Өедоса.

И нерѣдко потомъ въ дни своего отрочества и юношества, имѣя дѣло съ педагогами, вспоминалъ о своемъ деньщикѣ-нянькѣ и находилъ, что никто изъ нихъ не могъ сравниться съ Чижикомъ.

Въ девятомъ часу вечера Өедосъ уложилъ Шурку спать и сталъ разсказывать ему сказку. Но сонный мальчикъ не дослушалъ ея и, засыпая, проговорилъ:

— А я не буду обижать утокъ... Прощай, Чижикъ!.. Я тебя люблю!

Въ тотъ же вечеръ Өедосъ сталъ устраивать себъ уголокъ въ комнатъ, рядомъ съ кухней.

Снявши съ себя платье И оставшись исподнихъ и въ ситцевой рубахъ, онъ открылъ свой сундучекъ, внутренняя доска котораго была оклеена разными лубочными картинками и этикетками помадныхъ банокъ, тогда олеографій И иллюстрированныхъ изданій еще не было, — и первымъ дъломъ досталъ изъ сундучка маленькій потемнъвшій образокъ Николая Чудотворца и, перекрестившись, повъсилъ къ изголовью. Затъмъ повъсилъ зеркальце и полотенце и, положивъ на козлы, замѣнявшія кровать, свой блинчатый тюфячекъ, постлалъ его простыней и накрылъ ситцевымъ одъяломъ.

Когда все было готово, онъ удовлетворенно оглядъть свой новый уголокъ и, разувшись, съть на кровать и закурилъ трубку.

Въ кухнѣ еще возился Иванъ, только что убравшій самоваръ.

Онъ заглянулъ въ комнатку и спросилъ:

- A ужинать развѣ не будете, Өедосъ Никитичъ?
  - Нѣтъ, не хочу...
- И Анютка не хочетъ... Видно, придется одному ужинать... А то чаю не угодно-ли? У меня сахаръ

завсегда водится! — проговорилъ, какъ-то плутовато подмигивая глазомъ, Иванъ.

- Спасибо на чаѣ... Не стану...
- Что жъ, какъ угодно! какъ будто обижаясь, сказалъ Иванъ, уходя.

Не нравился ему новый сожитель, очень не нравился. Въ свою очередь и Иванъ не пришелся по вкусу Федосу. Федосъ не любилъ вообще «въстовщину» и деньщиковъ а этого плутоватаго и нахальнаго повара въ особенности. Особенно ему не понравились разныя двусмысленныя шуточки, которыя онъ отпускалъ за объдомъ Анюткъ, и Федосъ сидълъ молча и только сурово хмурилъ брови. Иванъ тотчасъ же понялъ, отчего «матрозня» сердится, и примолкъ, стараясь поразить его своимъ «высшимъ обращеніемъ» и хвастливыми разговорами о томъ, какъ имъ довольны и какъ его цънятъ и барыня, и баринъ.

Но Өедосъ отмалчивался и ръшилъ про себя, что Иванъ совсъмъ «пустой человъкъ». А за Лайку назвалъ его таки прямо «безсовъстнымъ» и прибавилъ:

— Тебя бы такъ ошпарить. А еще считаешься матросомъ!

Иванъ отшутился, но затаилъ въ своемъ сердцѣ злобу на Өедоса, тѣмъ болѣе, что его осрамили при Анюткѣ, которая видимо сочувствовала словамъ Өедоса.

— Однако и спать ложиться! — проговориль вслухъ Өедосъ, докуривъ трубку.

Онъ всталъ, торжественно громко произнесъ «Отче нашъ» и, перекрестившись, легъ въ постель. Но заснуть еще долго не могъ, и въ головѣ его бродили мысли и о прошлой пятнадцатилѣтней службѣ, и о новомъ своемъ положеніи.

«Мальченка добрый, а какъ съ этими уживусь — съ «бѣлобрысой», да съ «лодыремъ»? — задавалъ онъ себѣ вопросъ. Въ концѣ концовъ онъ рѣшилъ, что какъ

Богъ дастъ, и, наконецъ, заснулъ, вполнъ успокоенный этимъ ръшеніемъ.

VII.

Өедосъ Чижикъ, какъ и большая часть матросовъ того времени, когда крѣпостное право еще доживало свои послѣдніе годы, и во флотѣ, какъ и вездѣ, царила безпощадная суровость и даже жестокость въ обращеніи съ простыми людьми, — былъ разумѣется, большимъ философомъ-фаталистомъ.

Все благополучіе своей жизни, преимущественно заключавшееся въ охраненіи своего тѣла отъ побоевъ и линьковъ, а лица отъ серьезныхъ поврежденій, — за легкими онъ не гнался и считалъ ихъ относительнымъ благополучіемъ, — Оедосъ основывалъ не на одномъ только добросовѣстномъ исполненіи своего труднаго матросскаго дѣла и на хорошемъ поведеніи, согласно предъявляемымъ требованіямъ, а главнѣйшимъ образомъ на томъ, «какъ Богъ дастъ».

Эта, присущая русскимъ простолюдинамъ, исключительная надежда на одного только Господа Бога, разрѣшала всѣ вопросы и сомнѣнія Өедоса относительно его настоящей и будущей судьбы и служила едва-ли не единственной поддержкой, чтобы, какъ выражался Чижикъ, «не впасть въ отчаянность и не попробовать арестантскихъ ротъ».

И, благодаря такой надеждѣ, онъ оставался все тѣмъ же исправнымъ матросомъ и стоикомъ, отводящимъ свою возмущенную людскою неправдой душу лишь крѣпкою бранью, и тогда, когда даже воистину христіанское терпѣніе русскаго матроса подвергалось жестокому испытанію.

Съ тъхъ поръ, какъ Өедосъ Чижикъ, оторванный отъ сохи, былъ сданъ въ рекруты и, никогда не видавшій

моря, попалъ, единственно изъ-за своего малаго роста, во флотъ, — жизнь Өедоса представляла собою довольно пеструю картину переходовъ отъ благополучія къ неблагополучію, отъ неблагополучія къ той, едва даже понятной теперь невыносимой жизни, которую матросы характерно называли «каторгой», и обратно — отъ «каторги» къ благополучію.

Если, «давалъ Богъ», командиръ, старшій Если, «давалъ Богъ», командиръ, старшій офицеръ и вахтенные начальники попадались по тѣмъ суровымъ временамъ не особенно бѣшеные и дрались и пороли, какъ выражался Оедосъ, «не зря и съ разсудкомъ», то и Оедосъ, какъ одинъ изъ лучшихъ марсовыхъ, чувствовалъ себя спокойнымъ и довольнымъ, не боялся сюрпризовъ въ видѣ линьковъ, и природное его добродушіе и нѣкоторый юморъ дѣлали его однимъ изъ самыхъ веселыхъ разсказчиковъ на бакѣ.

Если же «Богъ давалъ» командира или старшаго офицера, что называется на матросскомъ жаргонѣ, «форменнаго арестанта» который за опозданіе на

офицера, что называется на матросскомъ жаргонѣ, «форменнаго арестанта», который за опозданіе на нѣсколько секундъ при постановкѣ или при уборкѣ парусовъ приказывалъ «спустить шкуры» всѣмъ марсовымъ, то Өедосъ терялъ веселость, дѣлался угрюмъ и послѣ того, какъ его драли какъ Сидорову козу, случалось, нерѣдко загуливалъ на берегу.

Однако все-таки находилъ возможнымъ утѣшатъ падавшихъ духомъ молодыхъ матросовъ и съ какою-то странною увѣренностью для человѣка, спина котораго сплошь покрыта синими рубцами съ кровавыми

подтеками, — говорилъ:
— Богъ дастъ, братцы, нашего арестанта переведутъ куда... Замъсто его не такой дьяволъ

поступитъ... Отдышемся... Не все же терпъть-то!

И матросы върили — имъ такъ хотълось върить
— что «Богъ дастъ» уберутъ куда нибудь «арестанта».

И терпъть, казалось, было легче.

Өедосъ Чижикъ пользовался большимъ авторитетомъ и въ своей ротѣ, и на судахъ, на которыхъ плавалъ, какъ человѣкъ «правильный», вдобавокъ «съ умомъ» и лихой марсовой, не разъ доказавшій и знаніе дѣла, и отвагу. Его уважали и любили за его честность, добрый характеръ и скромность. Особенно расположены къ нему были молодые, безотвѣтные матросики. Өедосъ такихъ всегда бралъ подъ свою защиту, оберегая ихъ отъ боцмановъ и унтеръ-офицеровъ, когда они слишкомъ куражились и звѣрствовали.

Достойно замѣчанія, что въ дѣлѣ исправленія такихъ боцмановъ Өедосъ нѣсколько отступалъ отъ своего фатализма, возлагая надежды не на одно только «какъ Богъ дастъ», но и на силу человѣческаго воздѣйствія, и даже главнымъ образомъ на послѣднее.

По крайней мѣрѣ, когда увѣщательное слово Өедоса, сказанное съ глазу на глазъ какому-нибудь неумѣренному «мордобою» боцману, слово, полное убѣдительной страстности «пожалѣть людей», — не производило надлежащаго впечатлѣнія, и боцманъ продолжалъ по-прежнему драться «безо всякаго разсудка», — Өедосъ обыкновенно прибѣгалъ къ предостереженію и говорилъ:

— Ой не зазнавайся, боцманъ, что вошь въ коростъ! Богъ гордыхъ не любитъ. Смотри, какъ бы тебя, братецъ ты мой, не проучили... Самъ, небойсь знаешь, какъ вашего брата проучиваютъ!

Если къ такому предостереженію боцманъ оставался глухъ, Өедосъ покачивалъ раздумчиво головой и строго хмурилъ брови, видимо принимая какое-то рѣшеніе.

Несмотря на свою доброту, онъ, однако, во имя долга и охраненія неписаннаго, обычнаго матросскаго права, собиралъ нѣсколько достойныхъ довѣрія матросовъ на тайное совѣщаніе о поступкахъ боцмана-

звѣря, и на этомъ матросскомъ судѣ Линча обыкновенно постановлялось рѣшеніе: «проучить боцмана», что и приводилось въ исполненіе при первомъ же съѣздѣ на берегъ.

Боцмана избивали гдѣ-нибудь въ переулкѣ Кронштадта или Ревеля до полусмерти и доставляли на корабль. Обыкновенно боцманъ того времени и не думалъ жаловаться на виновниковъ, объяснялъ начальству, что въ пьяномъ видѣ имѣлъ дѣло съ матросами съ иностранныхъ купеческихъ кораблей и, послѣ такой серьезной «выучки», уже дрался съ «бо́льшимъ разсудкомъ», продолжая, конечно, ругаться съ прежнимъ мастерствомъ, за что, впрочемъ, никто не былъ въ претензіи.

И Өедосъ въ такихъ случаяхъ нерѣдко говорилъ съ обычнымъ добродушіемъ:

— Какъ выучили, такъ и человъкомъ сталъ. Боцманъ, какъ боцманъ...

Самъ Өедосъ не желалъ быть «начальствомъ», — совсѣмъ это не подходило къ его характеру — и онъ рѣшительно просилъ не производить его въ унтеръофицеры, когда одинъ изъ старшихъ офицеровъ, съ которымъ онъ служилъ, хотѣлъ представить Өедоса.

— Будьте милостивы, ваше благородіе, ослобоните отъ такой должности! — взмолился Өедосъ.

Изумленный старшій офицеръ спросиль:

- Это почему?
- Не приверженъ я быть унтерцеромъ, ваше благородіе. Вовсе не по мнѣ это званіе, ваше благородіе... Явите божескую милость, дозвольте остаться въ матросахъ! докладывалъ Өедосъ, не объясняя однако мотивовъ своего нежеланія.
- Hy, если не хочешь, какъ знаешь... A я думалъ тебя наградить...
  - Радъ стараться, ваше благородіе! Премного

благодаренъ, ваше благородіе, что дозволили остаться матросомъ...

— И оставайся, коли ты такой дуракъ! проговорилъ старшій офицеръ.

А Өедосъ ушелъ изъ каюты старшаго офицера радостный и довольный, что избавился отъ должности, въ которой приходилось «собачиться» со своимъ же братомъ-матросомъ находиться И ВЪ непосредственныхъ отношеніяхъ господами съ офицерами.

«Ну ихъ... Отъ грѣха лучше подальше!» Всего бывало въ теченіе долгой службы Өедоса. И пороли, и били его, и похваливали, и отличали. Послѣдніе три года службы его на «Копчикѣ», подъ начальствомъ Василія Михайловича Лузгина, были самыми благополучными годами. Лузгинъ и старшій офицеръ были люди добрые по тъмъ временамъ, и на «Копчикъ» матросамъ жилось относительно хорошо. Не было ежедневныхъ порокъ, не было въчнаго трепета. Не было безсмысленной флотской муштры.

Василій Михайловичъ зналъ Өедоса, отличнаго форъ-марсоваго и, выбравъ его загребнымъ на свой вельботъ, еще лучше познакомился съ матросомъ, оцънивъ его добросовъстность и аккуратность.

«Богъ дастъ», онъ И Өедосъ думалъ, что прослужить еще три года съ Василіемъ Михайловичемъ тихо и спокойно, какъ у Христа за пазухой, а тамъ его уволятъ въ «безсрочную» до окончанія положеннаго двадцати-пятилътняго срока службы, и онъ пойдетъ въ свою дальнюю симбирскую деревушку, съ которой не порывалъ связей, и разъ въ годъ просилъ какого-нибудь грамотнаго матроса писать къ своему «дрожайшему родителю» письмо, обыкновенно состоящее изъ добрыхъ пожеланій и поклоновъ всѣмъ роднымъ.

Матросъ, не во-время отдавшій внизу марса-

фалъ, которымъ оторвало Өедосу, бывшему на марсѣ, два пальца, былъ невольнымъ виновникомъ въ перемѣнѣ судьбы Чижика.

Матроса жестоко отодрали, а Чижика немедленно отправили въ кронштадтскій госпиталь, гдѣ ему вылущили оба пальца. Онъ выдержалъ операцію, даже не охнувъ. Только стиснулъ зубы, и по его поблѣднѣвшему отъ боли лицу катились крупныя капли пота. Черезъ мѣсяцъ ужъ онъ былъ въ экипажѣ.

По случаю потери двухъ пальцевъ онъ надѣялся, что «Богъ дастъ», его назначатъ въ «неспособные» и уволятъ въ безсрочный отпускъ. По крайней мѣрѣ такъ говорилъ ротный писарь и совѣтовалъ черезъ когонибудь «исхлопотать». Такихъ примѣровъ бывало!

Но исхлопотать за Өедоса было некому, а самъ онъ не ръшался безпокоить ротнаго командира. Какъ бы еще не попало за это.

Такимъ образомъ Чижикъ остался на службъ и попалъвъ няньки.

VIII.

Прошелъ мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ Өедосъ поступилъ къ Лузгинымъ.

Нечего и говорить, что Шурка быль безъ ума отъ своей няньки, находился вполнъ подъ его вліяніемъ и, слушая его разсказы о штормахъ и ураганахъ, которые доводилось испытать Чижику, о матросахъ и объ ихъ жизни, о томъ, какъ черные люди арапы почти голые ходятъ на далекихъ островахъ за Индійскимъ океаномъ, слушая про густые лѣса, про диковинные фрукты, про обезьянъ, про крокодиловъ и акулъ, про чудное высокое небо и горячее солнышко, — Шурка самъ непремѣнно хотълъ быть морякомъ, а пока старался во всемъ подражать Чижику, который въ то

время былъ его идеаломъ.

Съ чисто дътскимъ эгоизмомъ онъ не отпускалъ отъ себя Чижика, чтобы быть всегда вмъстъ, забывая даже и мать, которая, со времени появленія Чижика, какъ-то отошла на второй планъ.

Еще бы! Она не умъла такъ занятно разсказывать, не умъла дълать такихъ славныхъ бумажныхъ змъевъ волчковъ и лодокъ, которые дълалъ Чижикъ. И ко всему этому онъ съ Чижикомъ не чувствовалъ надъ собою придирчивой няньки. Они были больше пріятелями и, казалось жили одними интересами и часто, не сговариваясь, выражали одни и тъ же мнънія.

Эта близость съ деньщикомъ-матросомъ нѣсколько пугала Марью Ивановну, а нѣкоторая отчужденность отъ матери, которую она, конечно, замѣтила, даже заставила ее ревновать Шурку къ нянькѣ. Кромѣ того, Марьѣ Ивановнѣ, какъ бывшей институткѣ и строгой ревнительницѣ манеръ, казалось, будто Шурка при Чижикѣ немного огрубѣлъ, и манеры его стали угловатѣе.

Тъ́мъ не менъ́е, Марья Ивановна не могла не сознаться, что Чижикъ добросовъ́стно исполняетъ свои обязанности и что при немъ Шурка значительно поздоровъ́лъ, не капризничаетъ и не нервничаетъ, какъ бывало прежде, и она совершенно спокойно уходила изъ дома, зная, что можетъ вполнъ̀ положиться на Чижика.

Но, несмотря на такое признаніе заслугъ Чижика, онъ все-таки былъ несимпатиченъ молодой женщинъ. Она търпъла Оедоса только ради ребенка и обращалась съ нимъ съ высокомърною холодностью и почти нескрываемымъ презръніемъ барыни къ мужлануматросу. Главное, что возмущало ее въ деньщикъ, это — недостатокъ въ немъ той почтительной угодливости, которую она любила въ прислугъ и которою особенно отличался ея любимецъ Иванъ. А въ Оедосъ — никакой

привътливости. Всегда нъсколько хмурый при ней, съ служебнымъ лаконизмомъ подчиненнаго отвъчающій на ея вопросы, всегда отмалчивающійся на ея замъчанія, которыя, по мнънію Чижика, «бълобрысая» дълала зря, — онъ далеко не отвъчалъ требованіямъ Марьи Ивановны, и она чувствовала, что этотъ матросъ втайнъ далеко не признаетъ ея авторитета и совсъмъ не чувствуетъ признательности за всъ тъ благодъянія, которыя, казалось барынъ, онъ получилъ, попавъ къ нимъ въ домъ изъ казармы. Это возмущало барыню. Чувствовалъ это отношеніе къ себъ

Чувствовалъ это отношеніе къ себѣ «бѣлобрысой» и Чижикъ, и самъ, въ свою очередь, недолюбливалъ ее и главнымъ образомъ, за то, что она совсѣмъ, ужъ утѣсняла бѣдную, безотвѣтную Анютку, шпыняя ее за всякую малость, сбивая съ толку окриками и нерѣдко давая ей пощечины.

И онъ жалѣлъ Анютку, быть можетъ даже болѣе чѣмъ жалѣлъ, — эту миловидную, загнанную дѣвушку съ испуганнымъ взглядомъ синихъ глазъ, и, случалось, когда барыни не было дома, ласково ей говорилъ:

— А ты не робъй, Аннушка... Богъ дастъ, недолго терпъть... Слышно, скоро волю всъмъ объявятъ. Потерпи, а тамъ уйдешь, куда захочешь, отъ своей въдьмы. Богъ-то умудрилъ царя!

Эти участливыя слова бодрили Анютку и наполняли ея сердце благодарнымъ чувствомъ къ Чижику. Она понимала, что онъ ее жалѣетъ, и видѣла, что только благодаря Чижику противный Иванъ не такъ нахально, какъ прежде, преслъдуетъ ее своими любезностями.

За то Иванъ ненавидълъ Оедоса со всею силой своей мелкой душонки и вдобавокъ ревновалъ его, приписывая отчасти Чижику полное невниманіе Анютки къ его особъ, которую онъ считалъ довольно-таки привлекательною.

Ненависть эта еще болѣе усилилась послѣ того, какъ Өедосъ однажды засталъ на кухнѣ Анютку, отбивавшуюся отъ объятій повара.

При появленіи Өедоса, Иванъ тотчасъ же оставилъ дѣвушку и, принявъ безпечно-развязный видъ проговорилъ:

— Шутю съ дурой, а она сердится...

Өедосъ сталъ мрачнъе черной тучи.

Не говоря ни слова, подошель онъ вплотную къ Ивану и, поднося къ его поблъднъвшему, испуганному лицу свой здоровенный волосатый кулакъ, едва сдерживаясь отъ негодованія, произнесъ:

— Видишь?

Струсившій Иванъ зажмурилъ отъ страха глаза при столь близкомъ сосъдствъ такого громаднаго кулака.

- Тъсто изъ подлой твоей хайлы сдълаю, ежели ты еще разъ тронешь дъвушку, подлецъ этакій!
- Я, право, ничего... Я только такъ... Пошутилъ, значитъ...
- Я тебъ... пошутю... Нешто можно обижать такъ человъка, безстыжій ты кобель?
- И, обращаясь къ Анюткъ, благодарной и взволнованной, продолжалъ:
- Ты мнѣ, Аннушка, только скажи, если онъ пристанетъ... Рыжая его морда будетъ на сторонѣ... Это вѣрно!

Съ этими словами онъ вышелъ изъ кухни.

Въ тотъ же вечеръ Анютка шепнула Өедосу:

- Ну теперь этотъ подлый человъкъ будетъ еще больше наушничать на васъ барынъ... Ужъ онъ наушничалъ... Я слышала изъ-за дверей третьяго дня... говоритъ вы, молъ, всю кухню провоняли махоркой...
- Пусть себѣ кляузничаетъ! презрительно бросилъ Өодосъ... Мнѣ и трубки, что-ли, не покурить? прибавилъ онъ, усмѣхаясь.

- Барыня страсть не любитъ простаго табаку...
- А пусть себѣ не любитъ! Я не въ комнатахъ курю, а въ своемъ, значитъ, помѣщеніи... Тоже матросу безъ трубки нельзя...

Послѣ этого происшествія Иванъ во что бы то ни стало хотѣлъ сжить ненавистнаго ему Өедоса, и понимая, что барыня недолюбливаетъ Чижика, сталъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, нашептывать барынѣ на Өедоса.

Онъ, дескать, и съ маленькимъ бариномъ совсѣмъ вольно обращается, не такъ, какъ слуга, онъ и барыниной доброты не чувствуетъ, онъ и съ Анюткой что-то шепчется часто... Стыдно даже.

Все это говорилось намеками, предположеніями, сопровождаемое ув'вреніями въ своей преданности барынъ.

Молодая женщина все это слушала и стала съ Чижикомъ еще суровъе и придирчивъе. Она зорко наблюдала за нимъ и за Анюткой, часто входила невзначай будто въ дътскую, выспрашивала у Шурки о чемъ съ нимъ говоритъ Чижикъ, но никакихъ скольконибудь серьезныхъ уликъ преступности Өедоса найти не могла, и это еще болъе злило молодую женщину, тъмъ болъе, что Өедосъ, какъ будто и не замъчая, что барыня на него гнъвается, нисколько не измънялъ своихъ служебно-оффиціальныхъ отношеній.

«Богъ дастъ, бълобрысая уходится!» думалъ Өедосъ, когда невольная тревога подчасъ закрадывалась въ его сердце при видъ ея недовольнаго, строгаго лица.

Но «бѣлобрысая» не переставала придираться къ Чижику, и вскорѣ надъ нимъ разразилась гроза.

IX.

Въ одну субботу, когда Өедосъ, только-что

вернувшійся изъ бани, пошелъ укладывать спать мальчика, Шурка, всегда дѣлившійся впечатлѣніями со своимъ любимцемъ-пѣстуномъ и сообщавшій ему всѣ домашнія новости, тотчасъ же промолвилъ:

- Знаешь, что я тебѣ скажу, Чижикъ...
- Скажи, такъ узнаю, проговорилъ, усмъхнувшись, Өедосъ.
- Мы завтра ѣдемъ въ Петербургъ... къ бабушкѣ. Ты не знаешь бабушки?
  - То-то не знаю.
- Она добрая, предобрая, въ родъ тебя, Чижикъ.. Она — папина мать.. Съ первымъ пароходомъ ъ̀демъ...
- Что же, дъло хорошее, братецъ ты мой. И добрую бабку свою повидаешь, и на «праходъ» прокатишься... Въ родъ быдто на моръ побываешь...

Наединъ Өедосъ почти всегда говорилъ Шуркъ «ты». И это очень нравилось мальчику и вполнъ соотвътствовало ихъ дружескимъ отношеніямъ и взаимной привязанности. Но въ присутствіи Марьи Ивановны Чижикъ не позволялъ себъ такой фамильярности: и Өедосъ и Шурка понимали, что при матери нельзя было показывать интимной ихъ короткости.

«Небойсь, прицѣпится, — разсужалъ Өедосъ, — дескать, барское дитё, а матросъ его тыкаетъ. Извѣстно, «фанаберистая» барыня!»

- Ты, Чижикъ, разбуди меня пораньше. И новую курточку приготовь, и новые сапоги...
- Все изготовлю, будь спокоенъ... Сапоги отполирую въ лучшемъ видъ... Одно слово, въ полномъ паратъ тебя отпущу... Такимъ будешь молодцомъ, что наше вамъ почтеніе! весело и любовно говорилъ Чижикъ, раздъвая Шурку. Ну, теперь помолись-ка Богу, Лександра Васильичъ!

Шурка прочиталъ молитву и юркнулъ подъ одъяло.

- А будить тебя рано не стану, продолжалъ Чижикъ, присаживаясь около Шуркиной кровати, въ половинъ восьмаго побужу, а то, не выспамшись, не хорошо...
- И маленькая Адя ъдетъ, и Анютка ъдетъ, а тебя, Чижикъ, мама не беретъ. Ужъ я просилъ маму, чтобы и тебя взяли съ нами, такъ не хочетъ...
  - Зачъмъ меня брать-то? Лишній расходъ.
  - Съ тобой было бы веселѣе.
- Небойсь, и безъ меня не заскучишь... День-то не бѣда тебѣ безъ Чижика побыть... А я и самъ попрошусь со двора. Тоже и мнѣ въ охотку погулять!... Ты какъ полагаешь?
  - Иди, иди, Чижикъ!... Мама върно пуститъ...
- То-то надо бы пустить... Во весь мѣсяцъ ни разу не ходилъ со двора...
  - А ты куда же пойдешь, Чижикъ?
- Куда пойду? А сперва въ церкву пойду, а потомъ къ кумъ-боцманшъ заверну... Ейный мужъ мнъ старинный пріятель... Вмъстъ въ дальнюю ходили... У нихъ посижу... Покалякаемъ... А потомъ на пристань схожу, матросиковъ погляжу... Вотъ и гулянка... Однако, спи, Христосъ съ тобой!
- Прощай, Чижикъ! А я тебъ гостинца отъ бабушки привезу... Она всегда даетъ...
- Кушай самъ на здоровье, голубокъ! А коли не пожалъешь, лучше Анюткъ дай... Ей лестнъе.
- И ей дамъ... и тебѣ! соннымъ голосомъ пролепеталъ Шурка.

Шурка всегда угощалъ своего пъстуна лакомствами; неръдко нашивалъ ему и куски сахара. Но отъ нихъ Чижикъ отказывался и просилъ Шурку не брать «господскаго припаса», чтобы не вышло какой

кляузы.

И теперь, тронутый вниманіемъ мальчика, онъ проговорилъ съ нѣжностью, на какую только былъ способенъ его грубоватый голосъ:

— Спасибо тебѣ за ласку, милый... Спасибо... Сердчишко у тебя, у мальца, доброе... И разсудливъ по своему глупому возрасту... и простъ... Богъ дастъ, какъ выростешь, и вовсе будешь форменнымъ человѣкомъ... правильнымъ... Никого не забидишь... И Богъ за то тебя любить будетъ... Такъ-то, братъ, лучше... Никакъ ужъ и заснулъ?

Отвъта не было. Шурка уже спалъ.

Чижикъ перекрестилъ мальчика и тихо вышелъ изъ комнаты.

На душъ у него было свътло и покойно, какъ и у этого ребенка, къ которому старый, не знавшій ласки, матросъ привязался со всею силою своего любящаго сердца.

X.

На слѣдующее утро, когда Лузгина въ нарядномъ шелковомъ голубомъ платъѣ, съ взбитыми начесами свѣтлорусыхъ волосъ, свѣжая, румяная, пышная и благоухающая, съ браслетами и кольцами на бѣлыхъ пухлыхъ рукахъ, торопливо пила кофе, боясь опоздать на пароходъ, Өедосъ приблизился къ ней и сказалъ:

— Дозвольте, барыня, отлучиться со двора сегодня.

Молодая женщина подняла на матроса глаза и недовольно спросила:

— А тебѣ зачѣмъ идти со двора?

Въ первое мгновеніе Өедосъ не зналъ, что и отвъчать на такой «вовсе глупый», по его мнънію,

вопросъ.

- Къ знакомымъ, значитъ, сходить, отвъчалъ онъ послъ паузы.
  - А какіе у тебя знакомые?
  - Извъстно, матросскаго званія...
- Можешь идти, проговорила послѣ минутнаго раздумья барыня... Только помни, что̀ я тебѣ говорила... Не вернись отъ своихъ знакомыхъ пьянымъ! строго прибавила она.
- Зачѣмъ пьянымъ? Я въ своемъ видѣ вернусь, барыня!
- Безъ своихъ дурацкихъ объясненій! Къ семи часамъ быть дома! рѣзко замѣтила молодая женщина.
- Слушаю-съ, барыня! съ оффиціальной почтительностью отвътилъ Өедосъ.

Шурка удивленно посмотрълъ на мать. Онъ ръшительно недоумъвалъ, за что мама сердится и вообще не любитъ такого прелестнаго, человъка, какъ Чижикъ, и, напротивъ, никогда не бранитъ противнаго Ивана. Иванъ и Шуркъ не нравился, не смотря на его льстивое и заискивающее обращение съ молодымъ барчукомъ.

Проводивъ господъ и обмѣнявшись съ Шуркой прощальными привѣтствіями, Өедосъ досталъ изъ глубины своего сундучка тряпицу, въ которой хранился его капиталъ — нѣсколько рублей, скопленныхъ имъ за шитье сапогъ. Чижикъ недурно шилъ сапоги и умѣлъ даже шить съ фасономъ, вслѣдствіе чего, случалось, получалъ заказы отъ писарей, подшкиперовъ и баталеровъ.

Осмотръвъ свои капиталы, Өедосъ вынулъ изъ тряпки одну засаленную рублевую бумажку, спряталъ ее въ карманъ штановъ, разсчитывая изъ этихъ денегъ купить себъ восьмушку чая, фунтъ сахара и запасъ махорки, а остальныя деньги, бережно уложивъ въ тряпочку, снова запряталъ въ уголокъ сундука и заперъ

сундукъ на ключъ.

Поправивъ огонекъ въ лампадкѣ передъ образкомъ у изголовья, Өедосъ расчесалъ свои черныя, какъ смоль, баки и усы, обулся въ новые сапоги и, облачившись въ форменную матросскую сѣрую шинель съ ярко горѣвшими мѣдными пуговицами и надѣвши чуть-чуть на бокъ фуражку, веселый и довольный вышелъ изъ кухни.

- Объдать нешто дома не будете? кинулъ ему въ догонку Иванъ.
  - То-то не буду!...

«Эка необразованная матрозня! — какъ есть «чучила!» — мысленно напутствовалъ Өедоса Иванъ. И самъ онъ, франтовато одътый въ сърый

И самъ онъ, франтовато одътый въ сърый пиджакъ, въ бълой манишкъ, воротникъ которой былъ повязанъ необыкновенно яркимъ галстухомъ, съ бронзовой цепочкой на жилетъ, глядя въ окно на проходившаго Чижика, презрительно оттопырилъ толстыя свои губы, покачалъ кудластой головой съ рыжими волосами, обильно умащенными коровьимъ масломъ, и въ маленькихъ его глазкахъ сверкнулъ огонекъ.

XI.

Өедосъ первымъ дѣломъ направился въ Андреевскій соборъ и какъ разъ попалъ къ началу службы.

Купивъ копѣечную свѣчку и пробравшись впередъ, онъ поставилъ свѣчку у образа Николыугодника и, вернувшись, сталъ совсѣмъ позади, въ толпѣ бѣднаго люда. Всю обѣдню онъ выстоялъ серьезный и сосредоточенный, стараясь направить мысли на божественное, и усердно и истово осѣнялъ себя широкимъ, размашистымъ крестнымъ знаменіемъ. При чтеніи Евангелія онъ умилился, хотя и не все понималъ, что читали. Умилялся и при стройномъ пѣніи пѣвчихъ и вообще находился въ приподнятомъ настроеніи человѣка, отрѣшившагося отъ всякихъ житейскихъ дрязгъ.

И, слушая пѣніе, слушая слова любви и милосердія, произносимыя мягкимъ теноркомъ священника, Өедосъ уносился куда-то въ особый міръ, и ему казалось, что тамъ, «на томъ свѣтѣ» будетъ необыкновенно хорошо и ему, и всѣмъ матросамъ; куда лучше, чѣмъ было на грѣшной землѣ...

Нравственно удовлетворенный и какъ бы внутренне-сіяющій, вышелъ Өедосъ по окончаніи службы изъ церкви и на паперти, гдѣ толпились по обѣ ея стороны и по бокамъ ступеней лѣстницы нищіе, одѣлилъ по грошику десять человѣкъ, подавая преимущественно мужчинамъ и старикамъ.

Все еще занятый разными, какъ онъ называлъ, «божественными» мыслями на счетъ того, что Господь все видитъ и если попускаетъ на свътъ неправду, то болъе всего для испытанія человъка, готовя потерпъвшему на землъ самую лучшую будущую жизнь, которой, разумъется, не видать, какъ ушей своихъ, форменнымъ «арестантамъ» изъ капитановъ и офицеровъ, — Чижикъ ходко шагалъ въ одинъ изъ дальнихъ переулковъ, гдъ въ маленькомъ деревянномъ домишкъ нанималъ комнату отставной, боцманъ Флегонтъ Нилычъ и его жена Авдотья Петровна, имъвшая на рынкъ ларекъ со всякою мелочью.

имѣвшая на рынкѣ ларекъ со всякою мелочью.

Низенькій и худощавый старикъ «Нилычъ», бодрый еще на видъ, не смотря на свои шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ, сидѣлъ за накрытымъ цвѣтною скатертью столомъ въ чистой ситцевой рубахѣ, широкихъ штанахъ и въ башмакахъ, одѣтыхъ на босыя ноги, и слегка вздрагивающею, костлявою рукою съ

предусмотрительной осторожностью наливаль изъ полуштофа въ стаканчикъ водку.

И въ выраженіи его морщинистаго, отливававшаго старческимъ румянцемъ лица, съ крючковатымъ носомъ и большой бородавкой на выбритой, по случаю воскресенья, щекѣ, и маленькихъ, все еще живыхъ глазъ было столько сосредоточеннаго благоговѣйнаго вниманія, что Нилычъ и не замѣтилъ, какъ въ двери вошелъ Өедосъ!

И Өедосъ, словно бы понимая всю важность этого священнодъйствія, далъ знать о своемъ присутствіи только тогда, когда стаканчикъ былъ налитъ до краевъ и Нилычъ его выцъдилъ съ видимымъ наслажденіемъ.

- Флегонту Нилычу нижайшее! Съ праздникомъ!
- А, Өедосъ Никитичъ! весело воскликнулъ «Нилычъ», какъ звали его всѣ знакомые, пожимая Өедосу руку. Садись, братецъ, сейчасъ шти Авдотья Петровна принесетъ...
- И, наливая вновь стаканчикъ, поднесъ его Өедосу.
  - Я, братъ, ужъ колупнулъ.
- Будь здоровъ, Нилычъ! проговорилъ Чижикъ и, медленно выпивъ рюмку, крякнулъ.
- И гдѣ это ты пропадалъ?.. Ужъ я въ казармы хотѣлъ идти... Думаю: совсѣмъ забылъ насъ... А еще кумъ...
  - Въ деньщики попалъ, Нилычъ...
  - Въ деньщики?.. Къ кому?..
- Къ Лузгину, капитану втораго ранга... Можетъ, слыхалъ?
- Слыхалъ... Ничего себъ... Ну-кось!... вторительно?..

И Нилычъ снова налилъ стаканчикъ.

- Будь здоровъ, Нилычъ!..
- Будь здоровъ, Өедосъ! проговорилъ и Нилычъ, выпивая въ свою очередь.
- Съ имъ-то ничего жить, только жонка его, я тебъ скажу...
  - Зудливая нешто?
- Ќакъ есть заноза и злющая. Ну, и о себѣ много полагаетъ... Думаетъ, что бѣлая да ядреная, такъ ужъ лучше и нѣтъ...
  - Ты у нихъ по какой же части?
- Въ нянькахъ при барчукъ. Мальченка славный, душевный мальченка... Кабы не заноза эта самая, легко было бы жить... А она всъмъ въ домъ командуетъ...
  - А самъ?
- То-то онъ у ей вродъ быдто подвахтеннаго. Передъ ей и не пикнетъ, а, кажется, съ разсудкомъ человъкъ... Совсъмъ въ покорности.
- Это бываетъ, братецъ ты мой! Бываетъ! протянулъ Нилычъ.

Самъ онъ, когда-то лихой боцманъ и «человѣкъ съ разсудкомъ», тоже находился подъ командой своей жены, хотя при постороннихъ и хорохорился, стараясь показать, что онъ ее нисколько не боится.

— Дайся только бабѣ въ руки, она тебѣ покажетъ кузькину маменьку. Извѣстно, въ бабѣ настоящаго разсудка нѣтъ, а только одна брехня, — продолжалъ Нилычъ, понижая голосъ и въ то же время опасливо посматривая на двери. — Бабу надо держатъ въ струнѣ, чтобы понимала начальство. Да что это моято копается? Рази пойти ее шугануть!..

Но въ эту минуту отворились двери, и въ комнату вошла Авдотья Петровна, здоровая, толстая и высокая женщина лѣтъ пятидесяти съ очень энергичнымъ лицомъ, сохранившимъ еще остатки былой

пригожести. Достаточно было взглянуть на эту внушительную особу, чтобы оставить всякую мысль о томъ, что низенькій и сухенькій Нилычъ, казавшійся передъ женой совсѣмъ маленькимъ, могъ ее «шугануть». Въ засученныхъ красныхъ ея рукахъ былъ завернутый въ тряпки горшокъ со щами. Сама она такъ и пылала.

— А я думала, съ къмъ это Нилычъ стрекочетъ... А это Өедосъ Никитичъ!.. Здравствуйте, Өедосъ Никитичъ... И то забыли! — говорила густымъ низкимъ голосомъ боцманша.

И, поставивши горшокъ на столъ, протянула куму руку и бросила Нилычу:

- Поднесъ гостю-то?
- А то какъ же? Небойсь, тебя не дожидались!

Авдотья Петровна повела взглядомъ на Нилыча, точно дивясь его прыти, и розлила по тарелкамъ щи, отъ которыхъ шелъ паръ и вкусно пахло. Затѣмъ достала изъ шкапчика съ посудой еще два стаканчика и наполнила всѣ три.

- Что правильно, то правильно! Петровна, братецъ ты мой, разсудливая женщина! замътилъ Нилычъ, не безъ льстивой нотки, умильно глядя на водку.
- Милости просимъ, Өедосъ Никитичъ, предложила боцманша.

Чижикъ не отказался.

- Будьте здоровы, Авдотья Петровна! Будь здоровъ, Нилычъ!
  - Будьте здоровы, Өедосъ Никитичъ!
  - Будь здоровъ, Өедосъ!

Всѣ трое выпили, и у всѣхъ были серьезныя и нѣсколько торжественныя лица. Перекрестившись, начали хлѣбать въ молчаніи щи. Только по временамъ раздавался низкій голосъ Анны Петровны:

— Милости просимъ!

Послѣ щей полуштофъ былъ пустъ.

Боцманша пошла за жаренымъ и, возвратившись, вмъстъ съ кускомъ мяса поставила на столъ еще полуштофъ.

Нилычъ, видимо подавленный такимъ благородствомъ жены, воскликнулъ:

— Да, Өедосъ... Петровна, одно слово...

Къ концу объда разговоръ сдълался оживленнъе. Нилычъ уже заплеталъ языкомъ и размякъ. Чижикъ и боцманша, оба красные, были клюкнувши, но нисколько не теряли своего достоинства.

Өедосъ разсказывалъ о «бѣлобрысой», о томъ, какъ она утѣсняетъ Анютку, и какой у нихъ подлый деньщикъ Иванъ, и философствовалъ на счетъ того, что Богъ все видитъ и навѣрное быть Лузгинихѣ въ аду коли она не одумается и не вспомнитъ Бога.

- Небойсь, тамъ, въ пеклѣ значитъ, ее отполируютъ въ лучшемъ видѣ... От-по-ли-ру-ютъ! Сдѣлай одолженіе. Не хуже, чѣмъ на флотѣ! вставилъ Нилычъ, имѣвшій, повидимому, объ адѣ представленіе, какъ о мѣстѣ, гдѣ будутъ такъ же отчаянно пороть, какъ и на корабляхъ. А повару раскровяни морду. Не станетъ онъ тогда кляузничать.
- И раскровяню, ежели нужно будетъ... Совсъмъ оголтълый песъ. Добромъ не выучишь! проговорилъ Чижикъ и вспомнилъ объ Анюткъ.

Петровна стала жаловаться на дѣла. Совсѣмъ нынче подлыя торговки стали, особенно изъ молодыхъ. Такъ и наровятъ изъ-подъ носа отбить покупателя.

— А мужчинское извъстное дъло. Матросъ да солдатъ къ молодымъ торговкамъ лъзетъ, какъ окунь на червя... Купитъ на двъ копъйки, а самъ, безстыдникъ, наровитъ уколупнуть бабу на рубь... А другая подлющая баба и рада... Такъ зенками и вертитъ...

И, словно припомнивъ какую-то непріятность,

Петровна приняла нѣсколько воинственный видъ, подперевъ бокъ своею здоровенною рукой, и воскликнула:

- А я терплю, терплю, а глаза черномазой Глашкъ выцарапаю! Знаете Глашку-то?.. обратилась боцманша къ Чижику. Вашего экипажа матроска... Марсоваго Ковшикова жена?..
- Знаю... За что же вы, Авдотья Петровна, хотите Глашку проучить?
- А за то самое, что она подлая! Вотъ за что... У меня покупателевъ неправильно отбиваетъ... Вчера подошель ко мнъ антиллеристъ... Человъкъ ужъ въ возрастъ въ такомъ, что старому дьяволу нечего разбирать бабьи подлости... Ему на томъ свътъ ужъ и паекъ готовъ... Ну, подошелъ къ ларьку, такъ по правиламъ, значитъ, ужъ мой покупатель, и всякая честная торговка должна перестать драть глотку на зазывъ... А Глашка замъсто того, мерзавка, грудь пятитъ, чтобы ульстить антиллериста. и голосомъ воетъ: «Ко мнъ, кавалеръ!.. Ко мнъ, солдатикъ бравый!.. Я дешевле продамъ!» И зубы скалитъ, толсторожая... И что бы вы думали?.. Старый-то облъзлый песъ облестился, что его, дурака, молодая баба назвала бравымъ солдатикомъ, и къ ей... У нея и купилъ. Ну, и отчесала же я ихъ обоихъ: и антиллериста, и Глашку!.. Да развъ эту подлюгу словомъ проймешь?

Өедосъ, и въ особенности Нилычъ хорошо знали, что Петровна въ минуты возбужденія ругалась не хуже любаго боцмана и могла, казалось, пронять всякаго. Не даромъ всѣ на рынкѣ — и торговки, и покупатели — боялись ея языка.

Однако мужчины изъ деликатности промолчали.

- Безпремѣнно выцарапаю ей глаза, ежели еще разъ Глашка осмѣлится! повторила Петровна.
  - Небойсь, не посмъетъ!.. Съ такой, можно

сказать, умственной бабой не посмѣетъ! — проговорилъ Нилычъ.

И, несмотря на то, что уже быль достаточно «зарифившись» и еле плель языкомъ, обнаружилъ однако дипломатическую хитрость, начавъ выхваливать добродътели своей супруги... Она, дескать, и большаго ума, и хозяйственная, и мужа своего кормитъ... однимъ словомъ такой другой женщины не сыскать по всему Кронштадту. Послъ чего намекнулъ, что если бы теперь да по стаканчику пива, то было бы самое лучшее дъло... Только по стаканчику...

- Какъ ты объ этомъ полагаешь, Петровна? просительнымъ тономъ проговорилъ Нилычъ...
- Ишь вѣдь, старый хрычъ... къ чему подъѣзжаетъ!.. И безъ того ослабъ... А еще пива ему дай... То-то лестныя слова мололъ, лукавый...

Однако Петровна говорила, эти рѣчи безъ сердца и, какъ видно, сама находила, что пиво вещь недурная, потому что вскорѣ надѣла на голову платокъ и вышла изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась, и нѣсколько бутылокъ пива красовались на столѣ.

- Й провористая же баба Петровна, я тебъ скажу, Өедосъ... Ахъ, что за баба! повторялъ въ пьяномъ умиленіи Нилычъ, послъ двухъ стакановъ пива.
- Ишь разлимонило уже! не безъ снисходительнаго презрънія промолвила Петровна.
- Меня разлимонило? Стараго боцмана?.. Неси еще пару бутылокъ... Я одинъ выпью... А пока вали, милая супруга, еще стаканчикъ...
  - Будетъ съ тебя...
  - Петровна! Уважь супруга...
  - Не дамъ! ръзко отвътила Петровна...

Нилычъ принялъ обиженный видъ.

Былъ уже пятый часъ, когда Өедосъ,

простившись съ хозяевами и поблагодаривъ за угощеніе, вышелъ на улицу. Въ головъ у него шумъло, но ступалъ онъ твердо и съ особенною аффектаціей становился во фронтъ и отдавалъ честь при встръчъ съ офицерами. И находился въ самомъ добродушномъ настроеніи, и всъхъ почему-то жалълъ. И Анютку жалълъ, и встрътившуюся ему на дорогъ маленькую дъвочку пожалълъ, и кошку, прошмыгнувшую мимо него, пожалълъ, и проходившихъ офицеровъ жалълъ. Идутъ, молъ, а того не понимаютъ, что они несчастные... Бога-то забыли, а Онъ, Батюшка, все видитъ...

Сдълавъ необходимыя покупки, Өедосъ пошелъ на Петровскую пристань, встрътилъ тамъ среди гребцовъ, дожидающихъ офицеровъ на шлюбкахъ, знакомыхъ, поговорилъ съ ними, узналъ, что «Копчикъ» находится теперь въ Ревелъ, и въ седьмомъ часу вечера направился домой.

Лайка встрѣтила Чижика радостнымъ бреханьемъ.

— Здраствуй, Лаечка... Здорово, братъ! — ласково привътствовалъ онъ собаку и сталъ ее гладить... — Что, кормили тебя?.. Небойсь, забыли, а? Погоди... принесу тебъ... Чай, въ кухнъ что найдется...

Иванъ сидълъ на кухнъ у окна и игралъ на гармоніи.

При видъ Өедоса, выпившаго, онъ съ довольнымъ видомъ усмъхнулся и проговорилъ:

- Хорошо погуляли?
- Ничего себъ погулялъ...

И, пожалѣвъ, что Иванъ сидитъ дома одинъ, прибавилъ:

- Иди и ты погуляй, пока господа не вернутся, а я буду домъ сторожить...
- Куда ужъ теперь гулять... Семь часовъ! Скоро и господа вернутся...

- Твое дѣло, а ты мнѣ дай косточекъ, если есть...
  - Бери... Вонъ лежатъ...

Чижикъ взялъ кости, отнесъ ихъ собакѣ и, вернувшись, присѣлъ на кухнѣ и неожиданно проговорилъ:

- А ты, братецъ мой, лучше живи по хорошему... Право... И не напущай ты на себя форцу... Всъ помремъ, а на томъ свътъ форцу, любезный ты мой, не спросятъ...
  - Это вы въ какихъ, напримъръ, смыслахъ?
- А во всякихъ... И къ Анюткѣ не приставай... Силкомъ дѣвку не привадишь, а она, самъ видишь, отъ тебя бѣгаетъ... За другой лучше гоняйся... Грѣшно забиждать дѣвку-то... И такъ она забижена! продолжалъ Чижикъ ласковымъ тономъ. И всѣмъ намъ безъ свары жить можно... Я тебѣ безъ всякаго сердца говорю...
- Ужъ не вамъ-ли Анютка приглянулась, что вы такъ заступаетесь?.. насмѣшливо проговорилъ поваръ.
- Глупый... Я въ отцы ей гожусь, а не то, чтобы какія подлости думать...

Однако Чижикъ не продолжалъ разговора въ этомъ направленіи и нъсколько смутился.

А Иванъ между тѣмъ говорилъ вкрадчивымъ теноркомъ:

- Я, Өедосъ Никитичъ, и самъ ничего лучшаго не желаю, какъ жить, значитъ, въ полномъ съ вами согласіи... Вы сами мною пренебрегаете...
- А ты форцъ-то свой брось... Вспомни, что ты матросскаго званія человѣкъ, и никто тобой пренебрегать не будетъ... Такъ-то, братъ... А то, въ деньщикахъ околачиваясь, ты и вовсе совѣсть забылъ... Барынѣ кляузничаешь... Развѣ это хорошо?.. Ой, не

хорошо это!.. Неправильно...

Въ эту минуту раздался звонокъ. Иванъ бросился отворять двери.

Пошелъ и Өедосъ встрвчать Шурку.

Марья Ивановна пристально оглядѣла Өедоса и произнесла:

Ты пьянъ!..

Шурка, хотъвшій-было подбъжать къ Чижику, быль ръзко отдернуть за руку.

- Не подходи къ нему... Онъ пьянъ...
- Никакъ нѣтъ, барыня... Я вовсе не пьянъ... Почему вы полагаете, что я пьянъ?.. Я, какъ слѣдуетъ, въ своемъ видѣ и все могу справлять... И Лександру Васильича уложу спать и сказку разскажу... А что выпилъ я маленько... это точно... У боцмана Нилыча... Въ самую плепорцію... по совѣсти.
- Ступай вонъ! крикнула Марья Ивановна... — Завтра я съ тобой поговорю.
  - Мама... мама... Пусть меня Чижикъ уложитъ!
- Я сама тебя уложу! А пьяный не можетъ укладывать.

Шурка залился слезами.

- Молчи, гадкій мальчишка! крикнула на него мать... А ты, пьяница, чего стоишь? Ступай сейчасъ же на кухню и ложись спать.
- Эхъ, барыня, барыня! проговорилъ съ выраженіемъ не то упрека, не то сожалѣнія Чижикъ и вышелъ изъ комнаты.

Шурка не переставалъ ревѣть. Иванъ торжествующе улыбался.

XII.

На слъдующее утро Чижикъ, вставшій, по обыкновенію, въ шесть часовъ, находился въ мрачномъ

настроеніи. Об'єщаніе Лузгиной «поговорить» съ нимъ сегодня, по соображеніямъ Өедоса, не предв'єщало ничего хорошаго. Онъ давно вид'єль, что барыня терп'єть его не можетъ, зря придираясь къ нему, и съ тревогой въ сердц'є догадывался, какой это будетъ «разговоръ». Догадывался и становился мрачн'є, сознавая въ то же время полную свою безпомощность.

«Главная причина — зла на меня, и нътъ въ ей ума, чтобы понять челов ка!»

Такъ размышлялъ о Лузгиной старый матросъ. Өедосъ вышелъ на дворъ, присълъ на крыльцъ и, порядочно-таки взволнованный, курилъ трубочку за трубочкой, въ ожиданіи, пока закипить поставленный имъ для себя самоваръ.

На дворѣ уже началась жизнь. Пѣтухъ то-и-дѣло вскрикивалъ, какъ сумасшедшій, привѣтствуя радостное, погожее утро. Въ зазеленѣвшемъ саду чирикали воробьи, и заливалась малиновка. Ласточки носились взадъ и впередъ, скрываясь на минутку въ гнъздахъ, и снова вылетали на поиски за добычкой.

Но сегодня Өедосъ не съ обычнымъ радостнымъ чувствомъ глядълъ на все окружающее. И когда Лайка только-что проснувшаяся, поднялась на ноги потянувшись всѣмъ своимъ тѣломъ, подбѣжала, весело повиливая хвостомъ, къ Чижику, онъ поздоровался съ ней, погладилъ ее и, словно бы отвѣчая на занимавшія его мысли, проговорилъ, обращаясь къ ласкавшейся собакъ:

— Тоже, братъ, и наша жизнь вродѣ твоей собачьей... Какой попадется хозяинъ...

Вернувшись на кухню, Өедосъ презрительно повелъ глазами на только-что вставшаго Ивана и, не желая обнаруживать передъ нимъ тревожнаго своего состоянія, принялъ спокойно-суровый видъ. Онъ видълъ вчера, какъ злорадствовалъ Иванъ въ то время, когда

кричала барыня, и, не обращая на него никакого вниманія, сталъ пить чай.

На кухню вошла Анютка, заспанная, немытая, съ румянцемъ на блѣдныхъ щекахъ, имѣя въ рукахъ барынино платье и ботинки. Она поздоровалась съ Өедосомъ какъ-то особенно ласково послѣ вчерашней исторіи и не кивнула даже въ отвѣтъ на любезное привѣтствіе повара съ добрымъ утромъ.

Чижикъ предложилъ Анюткъ попить чайку и далъ ей кусокъ сахара. Она наскоро выпила двъ чашки и, поблагодаривъ, поднялась.

- Пей еще... Сахаръ есть, сказалъ Өедосъ.
- Благодарствуйте, Өедосъ Никитичъ. Надо барынино платье чистить поскоръй. И неравно ребенокъ проснется...
- Давай, я, что ли, почищу, а ты пока угощайся чаемъ! предложилъ Иванъ.
- Тебя не просятъ! рѣзко оборвала повара Анютка и вышла изъ кухни.
- Ишь какая сердитая, скажите пожалуйста! кинуль ей вслъдъ Иванъ.
- И, покраснѣвшій отъ досады, взглянулъ исподлобья на Чижика и, усмѣхнувшись, подумалъ:

«Ужо будетъ тебъ сегодня матрознъ!»

Ровно въ восемь часовъ Чижикъ пошелъ будить Щурку. Шурка уже проснулся и, припомнивъ вчерашнее, самъ былъ не веселъ и встрътилъ Өедоса словами:

— А ты не бойся, Чижикъ... Тебъ ничего не будетъ!..

Онъ хотълъ утъшить и себя и своего любимца, хотя въ душъ и далеко былъ не увъренъ, что Чижику ничего не будетъ.

— Бойся— не бойся, а что Богъ дастъ!— отвъчалъ, подавляя вздохъ, Өедосъ.— Съ какой еще

ноги маменька встанетъ! — угрюмо прибавилъ онъ.

- Какъ съ какой ноги?
- А такъ говорится. Въ какомъ, значитъ, карактерѣ будетъ... А только твоя маменька напрасно полагаетъ, что я вчера пьяный былъ... Пьяные не такіе бываютъ. Ежели человѣкъ можетъ, какъ слѣдуетъ, сполнять свое дѣло, какой же онъ пьяный?..

Шурка вполнъ съ этимъ согласился и сказалъ:

- Й я вчера мам'в говорилъ, что ты совсѣмъ не былъ пьянъ, Чижикъ... Антонъ не такой бывалъ... Онъ качался, когда шелъ, а ты вовсе не качался...
- То-то и есть... Ты вотъ малолѣтокъ и то понялъ, что я былъ въ своемъ видѣ... Я, братъ, знаю мѣру... И папенька твой ничего бы не сдѣлалъ, увидавши меня вчерась. Увидалъ бы, что я выпилъ въ плепорцію!.. Онъ понимаетъ, что матросу въ праздникъ не грѣхъ погулять... И никому вреды оттого нѣтъ, а маменька твоя разсердилась... А за что? Что я ей сдѣлалъ?..
- Я буду маму просить, чтобъ она на тебя не сердилась... Повърь, Чижикъ...
- Вѣрю, хорошій мой, вѣрю... Ты-то доберъ... Ну иди теперь чай пить, а я пока комнату твою уберу, сказалъ Чижикъ, когда Шурка былъ готовъ.

Но Шурка, прежде чѣмъ идти, сунулъ Чижику яблоко и конфетку и проговорилъ:

- Это тебѣ, Чижикъ. Я и Анюткѣ оставилъ.
- Ну, спасибо. Только я лучше спрячу... Послъ самъ скушаешь на здоровье.
- Нѣтъ, нѣтъ... Непременно съѣшь... Яблоко пресладкое... А я попрошу маму, чтобы она не сердилась на тебя, Чижикъ... Попрошу! снова повторилъ Шурка.
- И съ этими словами, озабоченный и встревоженный, вышелъ изъ дътской.
  - Ишь въдь дитё, а чуетъ, какова маменька!

— прошепталъ Өедосъ и принялся съ какимъ-то усерднымъ ожесточеніемъ убирать комнату.

XIII.

Не прошло и пяти минутъ, какъ въ дѣтскую вбѣжала Анютка и, глотая слезы, проговорила:

- Өедосъ Никитичъ! Васъ барыня зоветъ!
- А ты чего плачешь?
- Сейчасъ меня била и грозитъ высъчь...
- Ишь, въдьма!... За что?
- A вы, Өедосъ Никитичъ, лучше повинитесь за вчерашнее... A то она...
- Чего мнѣ виниться! угрюмо промолвилъ Өедосъ и пошелъ въ столовую.

Дъйствительно, госпожа Лузгина, въроятно, встала сегодня съ лъвой ноги, потому что сидъла за столомъ хмурая и сердитая. И когда Чижикъ явился въ столовую и почтительно вытянулся передъ барыней, она взглянула на него такими злыми и холодными глазами, что мрачный Өедосъ сталъ еще мрачнъе.

Смущенный Шурка замеръ въ ожиданіи чего-то страшнаго и умоляюще смотрѣлъ на мать. Слезы стояли въ его глазахъ.

Прошло нѣсколько секундъ въ томительномъ молчаніи.

Въроятно, молодая женщина ждала, что Чижикъ станетъ просить прощенія за то, что вчера былъ пьянъ и осмълился дерзко отвъчать.

Ho старый матросъ, казалось, вовсе и не чувствовалъ себя виноватымъ.

И эта «безчувственность» дерзкаго «мужлана», не признающаго, повидимому авторитета, барыни, еще болѣе злила молодую женщину, привыкшую къраболѣпію окружающихъ.

- Ты помнишь, что было вчера? произнесла она наконецъ тихимъ голосомъ, медленно отчеканивая слова.
- Все помню, барыня. Я пьянымъ не былъ, чтобы не помнить.
- Не былъ? протянула, зло усмѣхнувшись, барыня. Ты вѣрно думаешь, что пьянъ только тотъ, кто валяется на землѣ?..

Өедосъ молчалъ: «что, молъ, отвъчать на глупости!»

- Я тебѣ что̀ говорила, когда брала въ деньщики? Говорила я тебѣ, чтобы ты не смѣлъ пить? Говорила?.. Что жъ ты стоишь какъ пень?.. Отвѣчай!
  - Говорили.
- А Василій Михайловичъ говорилъ тебѣ, чтобы ты меня слушался и чтобы не смѣлъ грубить? Говорилъ? допрашивала все тѣмъ же ровнымъ, безстрастнымъ голосомъ Лузгина.
  - Сказывали.
- А ты такъ-то слушаешь приказанія?.. Я выучу тебя, какъ говорить съ барыней... Я покажу тебѣ, какъ представляться тихоней да исподтишка заводить шашни... Я все вижу... все знаю! прибавила Марья Ивановна, бросая взглядъ на Анютку.

Тутъ Өедосъ не вытерпълъ.

- Это ужъ вы напрасно, барыня... Какъ передъ Господомъ Богомъ говорю, что никакихъ шашней не заводилъ... А ежели вы слушаете кляузы да наговоры подлеца вашего повара, то какъ вамъ будетъ угодно... Онъ вамъ еще не то набрешетъ! проговорилъ Чижикъ.
- Молчать! Какъ ты смѣешь такъ со мной говорить!? Анютка! Принеси мнѣ перо, чернила и почтовой бумаги!
- Mama! умоляющимъ вздрагивавшимъ голосомъ воскликнулъ Шурка.

- Убирайся вонъ! прикрикнула на него мать.
- Мама... мамочка... милая... хорошая... Если ты мена любишь... не посылай Чижика въ экипажъ...

И, весь потрясенный, Шурка бросился къ матери и, рыдая, припалъ къ ея рукъ.

Өедосъ почувствовалъ, что у него щекочетъ въ горлъ. И хмурое лицо его просвътлъло въ благодарномъ умиленіи.

— Пошелъ вонъ!.. Не твое это дѣло!

И съ этими словами она оттолкнула мальчика... Пораженный, все еще не въря ръшенію матери, онъ отошелъ въ сторону и плакалъ.

Лузгина въ это время быстро и нервно писала записку къ экипажному адъютанту. Въ этой запискѣ она просила «не отказать ей въ маленькомъ одолженіи» — приказать высѣчь ея деньщика за пьянство и дерзости. Въ концѣ записки она сообщила, что завтра собирается въ Ораніенбаумъ на музыку и надѣялась, что Михаилъ Александровичъ не откажется ей сопутствовать.

Запечатавъ конвертъ, она отдала его Чижику и сказала:

- Сейчасъ отправляйся въ экипажъ и отдай это письмо адъютанту!
- Слушаю-съ! дрогнувшимъ голосомъ отвътилъ матросъ, хмуря нависшія брови и стараясь скрыть волненіе, охватившее его.

Шурка рванулся къ матери.

- Мамочка... ты этого не сдѣлаешъ... Чижикъ!.. Постой... не уходи! Онъ чудный... славный... Мамочка... Милая... родная... Не посылай его! молилъ Шурка.
- Ступай! крикнула Лузгина деньщику. Я знаю, это ты подучилъ глупаго мальчика... Думалъ меня разжалобить?..
- Не я училъ, а Богъ! Вспомните Его когда нибудь, барыня! — съ какою-то суровою

торжественностью проговориль Өедось и, кинувъвзглядъ, полный любви, на Шурку, вышелъ изъ комнаты.

- Ты, значитъ, гадкая... злая... Я тебя не люблю! вдругъ крикнулъ Шурка, охваченный негодованіемъ и возмущенный такою несправедливостью. И я никогда не буду любить тебя! прибавилъ онъ, сверкая заплаканными глазенками.
- Вотъ ты какой!? Вотъ чему научилъ тебя этотъ мерзавецъ!? Ты смѣешь такъ говорить съ матерью?
- Чижикъ не мерзавецъ... Онъ хорошій, а ты... нехорошая! въ бъшеной отвагъ отчаянія продолжаль Шурка.
- Такъ я и тебя выучу, какъ говорить со мной, мерзкій мальчишка! Анютка! Скажи Ивану, чтобы принесъ розги...
- Что-жъ... сѣки... гадкая... злая... Сѣки!..— въ какомъ-то дикомъ ожесточеніи вопилъ Шурка...

И въ то же время личико его покрывалось смертельною блѣдностью, все тѣло вздрагивало, а большіе, съ расширенными зрачками, глаза съ выраженіемъ ужаса смотрѣли на двери...

Раздирающіе душу вопли наказываемаго ребенка донеслись до ушей Өедоса, когда онъ выходилъ со двора, имъ́я за обшлагомъ рукава шинели записку, содержаніе которой не оставляло въ матросъ никакихъ сомнъ́ній.

Полный чувства любви и состраданія, онъ въ эту минуту забыль о томъ, что ему самому подъ конець службы предстоитъ порка, и, разстроганный, жалѣлъ только мальчика. И онъ почувствовалъ, что этотъ барчукъ, не побоявшійся пострадать за своего пѣстуна, отнынѣ сталъ ему еще дороже и совсѣмъ завладѣлъ его сердцемъ.

— Ишь въдь подлая! Даже родное дитё не пожалъла! — проговорилъ съ негодованіемъ Чижикъ и

прибавилъ шагу, чтобы не слыхать этого дътскаго крика, то жалобнаго, молящаго, то переходящаго въ какой то ревъ затравленнаго, безпомощнаго звърька.

XIV.

Молодой мичманъ, сидъвшій въ экипажной канцеляріи, былъ удивленъ, прочитавъ записку Лузгиной. Онъ служилъ раньше въ одной ротъ съ Чижикомъ и зналъ, что Чижикъ считался однимъ изъ лучшихъ матросовъ въ экипажъ и никогда не былъ ни пьяницей, ни грубіяномъ.

- Ты что это, Чижикъ? Пьянствовать началъ?
- Никакъ-нътъ, ваше благородіе...
- Однако... Марія Ивановна пишетъ...
- Точно-такъ, ваше благородіе...
- Такъ въ чемъ же дѣло, объясни.
- Вчера выпилъ я маленько, ваше благородіе, отпросившись со двора, и вернулся какъ слѣдуетъ, въ настоящемъ видѣ... въ полномъ значитъ разсудкѣ, ваше благородіе...
  - Hy?
- Å госпожъ Лузгиной и покажись, что я пьянъ... Извъстно, по женскому своему понятію, она не разсудила, какой есть пьяный человъкъ...
  - Ну, а насчетъ дерзостей?.. Ты нагрубилъ ей?
- И грубостей не было, ваше благородіе... А что насчетъ ейнаго повара-деньщика я сказалъ, что она слушаетъ его подлыя кляузы, это точно...

И Чижикъ правдиво разсказалъ, какъ было дъло.

Мичманъ нѣсколько минутъ былъ въ раздумьѣ. Онъ знакомъ былъ съ Маріей Ивановной, одно время былъ даже къ ней неравнодушенъ и зналъ, что это дама очень строгая и придирчивая съ прислугой, и что мужъ ея довольно-таки часто посылалъ деньщиковъ въ

экипажъ для наказанія, разумѣется, по настоянію жены, такъ какъ всѣмъ было извѣстно въ Кронштадтѣ, что Лузгинъ, самъ человѣкъ мягкій и добрый, находится подъ башмакомъ у красивой Марьи Ивановны.

- А все-таки, Чижикъ, я долженъ исполнить просьбу Марьи Ивановны, проговорилъ, наконецъ, молодой офицеръ, отводя отъ Чижика нъсколько смущенный взоръ.
  - Слушаю, ваше благородіе.
- Ты понимаешь, Чижикъ, я долженъ, мичманъ подчеркнулъ слово «долженъ», ей върить. И Василій Михайловичъ просилъ, чтобы требованія его жены о наказаніяхъ деньщиковъ исполнялись какъ его собственныя.

Чижикъ понималъ только, что его будутъ сѣчь по желанію «бѣлобрысой», и молчалъ.

— Я тутъ, Чижикъ, не при чемъ! — словно бы оправдывался мичманъ.

ясно сознавалъ, совершаетъ что несправедливое и беззаконное дъло, собираясь наказать матроса по просьбъ дамы, и что, по долгу службы и совъсти, не долженъ совершать его, имъй онъ хоть немножко мужества. Но онъ былъ слабый человъкъ и, какъ всѣ слабые люди, успокоивалъ себя тѣмъ, что если Чижика онъ не накажетъ теперь, то по возвращении изъ Лузгина матросъ будетъ наказанъ плаванія безпощаднъй. Кромъ того придется поссориться съ Лузгиными и, быть можетъ, имъть еще непріятности и съ экипажнымъ командиромъ; послъдній былъ друженъ съ Лузгиными, втайнъ кажется даже вздыхалъ барынькѣ, прельщавшей стараго, какъ спичка худенькаго моряка, главнымъ образомъ, своимъ не отличаясь ПЫШНЫМЪ станомъ, И, большою гуманностью, что матросу никогда находилъ, не мѣшаетъ «всыпать».

И молодой офицеръ приказалъ дежурному приготовить все, что нужно, въ цейхгаузъ для наказанія.

Въ большомъ цейхгаузѣ тотчасъ же была поставлена скамейка. Два унтеръ-офицера съ напряженно-недовольными лицами стали по бокамъ, имѣя въ рукахъ по толстому пучку свѣжихъ зеленыхъ прутьевъ. Такіе же пучки лежали на полу на случай, если понадобится мѣнять розги.

Еще не совсѣмъ «закалившійся», не долго служившій во флотѣ, мичманъ, слегка взволнованный, сталъ поодаль.

Сознавая всю несправедливость предстоявшаго наказанія, Чижикъ съ какою-то угрюмой покорностью, чувствуя стыдъ и въ то же время позоръ оскорбленнаго человѣческаго достоинства, сталъ раздѣваться необыкновенно торопливо, словно ему было неловко, что онъ заставляетъ ждать и этихъ двухъ хорошо знакомыхъ ему унтеръ-офицеровъ, и этого молодого мичмана.

Оставшись въ одной рубахѣ, Чижикъ перекрестился и легъ ничкомъ на скамейку, положивъ голову на скрещенныя руки, и тотчасъ же зажмурилъ глаза.

Давно уже его не наказывали, и эта секундадругая въ ожиданіи удара была полна невыразимой тоски отъ сознанія своей безпомощности и униженія... Передъ нимъ пронеслась вся его безотрадная жизнь.

Мичманъ между тъмъ подозвалъ къ себъ одного изъ унтеръ-офицеровъ и шепнулъ:

— Полегче!

Унтеръ-офицеръ просвътлълъ и шепнулъ о томъ же товарищу.

— Йачинай! — скомандовалъ молодой человъкъ, отворачиваясь.

Послѣ десятка ударовъ, не причинившихъ почти никакой боли Чижику, такъ какъ эти зеленые прутья,

послѣ энергичнаго взмаха, едва только касались его тѣла, — мичманъ крикнулъ:

— Довольно! Явись послѣ ко мнѣ, Чижикъ! И съ этими словами вышелъ.

Чижикъ, по-прежнему угрюмый, испытывая стыдъ, несмотря на комедію наказанія, торопливо од'влся и проговорилъ:

- Спасибо, братцы, что не били... Однимъ только срамомъ отдѣлался...
  - Это адъютантъ приказывалъ.
  - Какъ же ты будешь жить-то теперь у нея?
- Какъ Богъ дастъ... Надо жить... Ничего не подълаешь... Да и мальченка ейный, у котораго я въ нянькахъ, славный... И его, братцы, бросить жалко... Изъ-за меня и его съкли... Заступался, значитъ, передъ матерью...
  - Ишь ты... Не въ мать, значитъ?
  - И вовсе не похожъ... Доберъ страсть!

Чижикъ явился въ канцелярію и прошелъ въ кабинетъ, гдѣ сидѣлъ экипажный адъютантъ. Тотъ передалъ Чижику письмо и проговорилъ:

- Отдай Марьъ Ивановнъ... Я ей пишу, что тебя строго наказали...
- Премного благодаренъ, что пожалѣли стараго матроса, ваше благородіе! съ чувствомъ проговорилъ Чижикъ.
- Я что жъ... Я, братецъ, не звѣрь... Я и совсѣмъ бы не наказалъ тебя... Я знаю, какой ты исправный и хорошій матросъ! говорилъ все еще смущенный мичманъ. Ну, ступай къ своей барынѣ.. Дай тебѣ Богъ съ ней ужиться... Да смотри... не болтай, какъ тебя наказывали! прибавилъ мичманъ.
- Не извольте сумлѣваться! Счастливо оставаться, ваше благородіе!

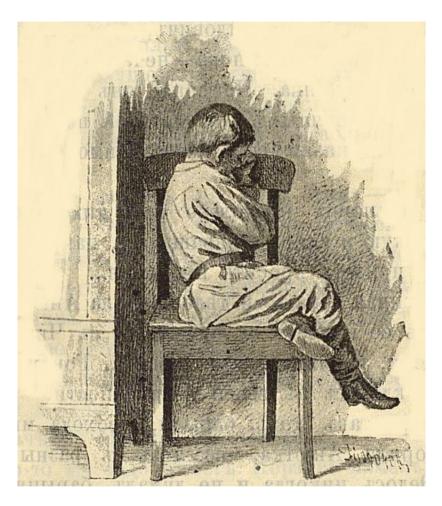
Шурка сидълъ, забившись въ уголъ дътской, съ видомъ запуганнаго звърька. Онъ то-и-дъло всхлипывалъ. При каждомъ новомъ воспоминаніи о нанесенной ему обидъ рыданія подступали къ горлу, онъ вздрагивалъ, и злое чувство приливало къ сердцу и охватывало все его существо. Онъ въ эти минуты ненавидълъ мать, но еще болъе Ивана, который явился съ розгами веселый и улыбающійся и такъ кръпко сжималъ его бьющееся тъло во время наказанія. Не держи его этотъ гадкій человъкъ такъ кръпко, онъ бы убъжалъ...

И въ головѣ мальчика бродили мысли о томъ, какъ онъ отомститъ повару... Непремѣнно отомститъ... И разскажетъ папѣ, какъ только онъ вернется, какъ несправедливо поступила мама съ Чижикомъ... Пусть папа узнаетъ...

По-временамъ Шурка выходилъ изъ своего угла и взглядывалъ въ окно: не идетъ-ли Чижикъ?.. «Бѣдный Чижикъ! Вѣрно и его больно сѣкли... А онъ и не знаетъ, что и меня высѣкли за него. Я ему все... все разскажу!»

Эти мысли о Чижикъ нъсколько успокаивали его, и онъ ждалъ возвращенія своего друга съ нетерпъніемъ.

Марья Ивановна, сама взволнованная, ходила по своей большой спальной, полная ненависти къ деньщику, изъ-за котораго ея Шурка осмѣлился такъ говорить съ матерью. Положительно, этотъ матросъ имѣетъ вредное вліяніе на мальчика, и его слѣдуетъ удалить... Вотъ только вернется изъ плаванія Василій Михайловичъ, и она попроситъ его взять другаго деньщика, А пока — нечего дѣлать — придется терпѣть этого грубіяна. Навѣрное онъ не посмѣетъ теперь напиваться пьянымъ и грубить ей послѣ того, какъ его въ экипажѣ накажутъ... Необходимо было его проучить!

Марья Ивановна нѣсколько разъ тихонько заглядывала въ дѣтскую и снова возвращалась, напрасно ожидая, что Шурка придетъ просить прощенія...

Раздраженная, она то-и-дѣло бранила Анютку и стала, допрашивать ее насчетъ ея отношеній съ Чижикомъ.

> — Говори, подлянка, всю правду... Говори... Анютка клялась въ своей невиновности.

- Поваръ такъ тотъ, барыня, прохода мнѣ не давалъ! говорила Анютка, все лѣзъ съ разными подлостями, а Өедосъ никогда и не думалъ, барыня...
- Отчего же ты раньше мнѣ ничего не сказала о поварѣ? подозрительно спрашивала Лузгина.
  - Не смѣла, барыня... думала отстанетъ.
- Ну, я васъ всѣхъ разберу... Ты смотри у меня!.. Поди узнай, что дѣлаетъ Александръ Васильевичъ!

Анютка вошла въ дѣтскую и увидала Шурку, кивающаго въ окно возвращавшемуся Чижику.

- Барчукъ! Маменька приказали узнать, что вы дълаете... Что прикажете сказать?
- Скажи, Анютка, что я пошель въ садъ погулять...

И съ этими словами Шурка выбѣжалъ изъ комнаты, чтобы встрѣтить Чижика.

XVI.

У воротъ Шурка бросился къ Өедосу.

Участливо заглядывая въ его лицо, онъ крѣпко ухватился за шаршавую, мозолистую руку матроса и, глотая слезы, повторялъ, ласкаясь къ нему:

— Чижикъ!.. Милый, хорошій Чижикъ!

Мрачное и смущенное лицо Оедоса озарилось выраженіемъ необыкновенной нѣжности.

— Ишь вѣдь, сердешный! — взволнованно прошепталь онъ.

И, бросивъ взглядъ на окна дома — не торчитъли «бѣлобрысая» — Өедосъ быстрымъ движеніемъ поднялъ Шурку, прижалъ его къ своей груди и осторожно, чтобы не уколоть его своими щетинистыми усами, поцѣловалъ мальчика. Затѣмъ онъ такъ же быстро опустилъ его на землю и проговорилъ:

- Теперь иди домой поскоръй, Лександра Васильичъ. Или, мой ласковый...
  - Зачѣмъ? Мы вмѣстѣ пойдемъ.
- То-то не надо вмѣстѣ. Неравно маменька изъ окна углядитъ, что ты встрѣлъ свою няньку, и опять засерчаетъ.
  - И пусть глядитъ... Пусть злится!
- Да ты никакъ бунтовать противъ маменьки? промолвилъ Чижикъ. Не годится, милый мой Лександра Васильичъ, бунтовать противъ родной матери. Ее почитать слъдуетъ... Иди, иди... ужо наговоримся...

Шурка, всегда охотно слушавшійся Чижика, такъ какъ вполнѣ признавалъ его нравственный авторитетъ, и теперь готовъ былъ исполнить его совѣтъ. Но ему хотѣлось поскорѣй утѣшить друга въ постигшемъ его несчастіи, и потому, прежде чѣмъ уйти, онъ не безъ нѣкотораго чувства горделивости произнесъ:

- А знаешь, Чижикъ, и меня высъкли!
- То-то знаю. Слышалъ, какъ ты кричалъ, бѣдненькій... Изъ-за меня ты потерпѣлъ, голубчикъ!. Богъ тебѣ это зачтетъ, небойсь! Ну иди же, иди, родной, а то намъ съ тобой опять попадетъ...

Шурка убъжалъ, еще болъе привязанный къ Чижику. Несправедливое наказаніе, которому они оба подверглись, сильнъе закръпило ихъ любовь.

Выждавъ минуту, другую у воротъ, Өедосъ твердою и рѣшительною походкой направился черезъ дворъ въ кухню, стараясь подъ видомъ презрительной суровости скрыть предъ посторонними невольный стыдъ высѣченнаго человѣка.

Иванъ оглядѣлъ Чижика улыбающимися глазами, но Чижикъ даже и не удостоилъ обратить вниманія на повара, точно его и не было на кухнѣ, и прошелъ въ свой уголокъ въ сосѣдней комнатѣ.

— Барыня приказали, чтобы вы немедленно явились къ ней, какъ вернетесь изъ экипажа! — крикнулъ ему изъ кухни Иванъ.

Чижикъ не отвъчалъ.

Не спѣша, снялъ онъ шинель, переобулся въ парусинные башмаки, досталъ изъ сундука яблоко и конфетку, данныя ему утромъ Шуркой, сунулъ ихъ въ карманъ и, вынувъ изъ-за обшлага шинели письмо экипажнаго адъютанта, пошелъ въ комнаты.

Въ столовой барыни не было. Тамъ была одна Анютка. Она ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, закачивая ребенка и напѣвая своимъ пріятнымъ голоскомъ какую-то пѣсенку.

Замѣтивъ Өедоса, Анютка подняла на него свои испуганные глаза. Въ нихъ теперь свѣтилось выраженіе скорби и участья.

- Вамъ барыню, Өедосъ Никитичъ? шепнула она, подходя къ Чижику.
- Доложи, что я вернулся изъ экипажа, промолвилъ смущенно матросъ, опуская глаза.

Анютка направилась, было, въ спальную, но въ туже минуту Лузгина вошла въ столовую.

Өедосъ молча подалъ ей письмо и отошелъ къ дверямъ.

Лузгина прочла письмо. Видимо удовлетворенная тѣмъ, что просьба ея была исполнена и что дерзкаго деньщика строго наказали, она проговорила:

— Надъюсь, наказаніе будеть тебъ хорошимъ урокомъ, и ты не осмълишься болъе грубить...

Чижикъ угрюмо молчалъ.

А Лузгина между тъмъ продолжала уже болъе мягкимъ тономъ:

— Смотри же, Өеодосій, веди себя какъ слѣдуетъ порядочному деньщику... Не пей водки, будь всегда

почтителенъ къ своей барынъ... Тогда и мнъ не придется наказывать тебя...

Чижикъ не ронялъ ни слова.

- Понялъ, что я тебъ говорю? возвысила голосъ барыня, недовольная этимъ молчаніемъ и угрюмымъ видомъ деньщика.
  - Понялъ!
- Такъ что жъ ты молчишь?.. Надо отвъчать, когда съ тобой говорятъ!
- Слушаю-съ! автоматически отвѣчалъ Чижикъ.
- Hy, ступай къ молодому барину... Можете идти въ садъ...

Чижикъ вышелъ, а молодая женщина вернулась въ спальную, возмущенная безчувственностью этого грубаго матроса. Рѣшительно Василій Михайловичъ не понимаетъ людей! Расхваливалъ этого деньщика, какъ какое-то сокровище, а онъ и пьетъ, и грубитъ, и не чувствуетъ никакого раскаянія.

— Ахъ, что за грубый народъ эти матросы! — произнесла вслухъ молодая женщина.

Послѣ завтрака она собралась въ гости. Передъ тѣмъ, что уходить, она приказала Анюткѣ позвать молодаго барина.

Анютка побъжала въ садъ.

Въ глубинъ густаго, запущеннаго сада, подътънью раскидистой липы сидъли рядомъ на травъ Чижикъ и Шурка. Чижикъ мастерилъ бумажный змъй и о чемъ-то тихо разсказывалъ. Шурка внимательно слушалъ.

- Пожалуйте къ маменькѣ, барчукъ! проговорила Анютка, подбѣгая къ нимъ, вся раскраснѣвшаяся.
- Зачѣмъ? недовольно спросилъ Шурка, который чувствовалъ себя такъ хорошо съ Чижикомъ,

разсказывавшимъ ему необыкновенно интересныя вещи.

— A не знаю. Маменька собрались со двора. Должно быть, хотять съ вами проститься...

Шурка неохотно поднялся.

- Что мама, сердитая? спросилъ онъ Анютку.
- Нътъ, барчукъ... Отошли...
- А ты торопись, ежели маменька требуетъ... Да смотри, не бунтуй, Лександра Васильичъ, съ маменькой-то. Мало-ли что у матери съ сыномъ выйдетъ, а все надо почитать родительницу, ласково напутствовалъ Шурку Чижикъ, оставляя работу и закуривая трубочку.

Шурка вошелъ въ спальную боязливо, имъя обиженный видъ, и смущенно остановился въ нъсколькихъ шагахъ отъ матери.

Въ нарядномъ шелковомъ плать и бълой шляпкъ, красивая, цвътущая и благоухающая, Марья Ивановна подошла къ Шуркъ и, ласково потрепавъ его по щекъ, проговорила съ улыбкой:

— Ну, Шурка, довольно дуться... Помиримся... Проси у мамы прощенья за то, что ты назвалъ ее гадкой и злой... Цълуй руку...

Шурка поцъловалъ эту бълую пухлую руку въ кольцахъ, и слезы подступили къ его горлу.

Дъ́йствительно онъ виноватъ: онъ назвалъ маму злой и гадкой. А Чижикъ недаромъ говоритъ, что гръшно быть дурнымъ сыномъ.

И Шурка, преувеличивая свою вину подъ вліяніемъ охватившаго его чувства, взволнованно и порывисто проговорилъ:

— Прости, мама!

Этотъ искренній тонъ, эти слезы, дрожавшія на глазахъ мальчика, тронули сердце матери. Она, въ свою очередь, почувствовала себя виноватой за то, что такъ жестоко наказала своего первенца. Предъ ней

представилось его страдальческое личико, полное ужаса, въ ея ушахъ слышались его жалобные крики, и жалость самки къ дътенышу охватила молодую женщину. Ей хотълось, теперь горячо приласкать мальчика.

Но она торопилась ѣхать съ визитами, и ей было жаль новаго параднаго платья, и потому она ограничилась лишь тѣмъ, что, нагнувшись, поцѣловала Шурку въ лобъ и сказала:

- Забудемъ, что было. Ты, въдь больше не будешь бранить маму?
  - Не буду.
  - И любишь по-прежнему свою маму?
  - Люблю.
- И я тебя люблю, моего мальчика. Ну, до свиданія. Ступай въ садъ...

И съ этими словами Лузгина потрепала еще разъ Шурку по щекъ, улыбнулась ему и, шелестя шелковымъ платьемъ, вышла изъ спальной.

Шурка возвращался въ садъ, не совсѣмъ удовлетворенный. Впечатлительному мальчику и слова, ласка матери казались недостаточными соотвѣтствующими переполненному его чувствомъ раскаянія сердцу. Но еще болье его смущало то, что съ его стороны примиреніе было неполное. Хотя онъ и сказалъ, что любитъ маму по-прежнему, но чувствовалъ въ эту минуту, что въ душъ его еще оставалось что-то непріязненное къ матери и не столько за себя, сколько за Чижика.

XVII.

- Ну, какъ дѣла, голубокъ? Замирился съ маменькой? спрашивалъ Өедосъ подошедшаго тихими шагами Шурку.
  - Помирился... И я, Чижикъ, прощенія просилъ

что обругалъ маму...

- А развѣ такое было?
- Было... Я маму назвалъ злой и гадкой.
- Ишь въдь ты какой у меня отчаянный! Маменьку да какъ отчекрыжилъ!...
- Это я за тебя, Чижикъ! поспѣшилъ оправдаться Шурка.
- То-то понимаю, что за меня... А главная причина сердце твое не стерпѣло неправды... вотъ изъ-за чего ты взбунтовался, махонькій... Оттого ты и Антона жалѣлъ... Богъ за это проститъ, хучь ты и матери родной сгрубилъ... А все-таки это ты правильно, что повинился. Какъ-никакъ, а мать... И когда ежели человѣкъ чувствуетъ, что виноватъ повинисъ. Что бы тамъ ни вышло, а самому легче будетъ... Такъ-ли я говорю, Лександра Васильичъ? Вѣдь легче?..
- Легче, проговорилъ раздумчиво мальчикъ. Өедосъ пристально поглядѣлъ на Шурку и спросилъ:
- Такъ что же ты ровно затихъ, посмотрю, а? Какая такая причина, Лександра Васильичъ? Сказывай, а мы вмъстъ обсудимъ. Послъ замиренія у человъка душа бываетъ легкая, потому все тяжелое зло души-то выскочитъ, а ты гляди ко-сь какой туманливый... Или маменька тебя позудила?..
- Нътъ, не то, Чижикъ... Мама меня не зудила...
- Такъ въ чемъ же бѣда?.. Садись-ка на травку да сказывай... А я буду змѣя кончать... И важнецкій, я тебѣ скажу, у насъ змѣй выйдетъ... Завтра утромъ, какъ вѣтерокъ подуетъ, мы его спустимъ...

Шурка опустился на траву и нѣсколько времени молчалъ.

— Ты вотъ говоришь, что зло выскочитъ, а у меня оно не выскочило! — вдругъ проговорилъ Шурка.

- Какъ такъ?
- А такъ, что я все-таки сержусь на маму и не такъ люблю ее, какъ прежде... Это вѣдь не хорошо, Чижикъ? И хотѣлъ бы не сердиться, а не могу...
  - За что же ты сердишься, коли вы замирились?
  - За тебя, Чижикъ...
  - За меня? воскликнулъ Өедосъ.
- Зачѣмъ мама напрасно тебя посылала въ экипажъ? За что она называетъ тебя дурнымъ, когда ты хорошій?

Старый матросъ былъ тронутъ этой привязанностью мальчика И этой живучестью возмущеннаго чувства. Мало того, что онъ потерпълъ за своего пъстуна, сихъ торъ не онъ ДО можетъ успокоиться.

«Ишь въдь Божья душа!» — умиленно подумалъ Өедосъ и въ первое мгновеніе ръшительно не зналъ, что на это отвътить и какъ успокоить своего любимца.

Но скоро любовь къ мальчику подсказала ему отвътъ.

Съ чуткостью преданнаго сердца онъ понялъ лучше самыхъ опытныхъ педагоговъ, что надо уберечь ребенка отъ ранняго озлобленія противъ матери и во что бы то ни стало защитить въ его глазахъ ту самую «подлую бѣлобрысую», которая отравляла ему жизнь.

И онъ проговорилъ:

— А ты все-таки не сердись! Раскинь умишкомъ и сердце отойдетъ... Мало-ли какое у человѣка бываетъ понятіе... У одного, скажемъ, на аршинъ, у другого — на два... Мы вотъ съ тобой полагаемъ, что меня здря наказали, а маменька твоя, можетъ, полагаетъ, что не здря? Мы вотъ думаемъ, что я не былъ пьяный и не грубилъ, а маменька, братецъ ты мой, можетъ, думаетъ, что я и пьянъ былъ, и грубилъ и что за это меня слѣдовало отодрать по всей формѣ...

Передъ Шуркой открывался, такъ сказать, новый горизонтъ. Но, прежде чѣмъ вникнуть въ смыслъ словъ Чижика, онъ не безъ участливаго любопытства спросилъ самымъ серьезнымъ тономъ:

- А тебя очень больно сѣкли, Чижикъ? Какъ Сидорову козу? вспомнилъ онъ выраженіе Чижика. И ты кричалъ?
- Вовсе даже не больно, а не то что какъ Сидорову козу! усмѣхнулся Чижикъ.
- Hy?!.. А ты говорилъ, что матросовъ сѣкутъ больно...
- И очень больно... Только меня, можно сказать, ровно и не съкли. Такъ только для сраму наказали и чтобы маменькъ угодить, а я и не слыхалъ, какъ съкли... Спасибо, добрый мичманъ въ адъютантахъ... Онъ и пожалълъ... не приказалъ по формъ съчь... Только ты смотри, объ этомъ не проговорись маменькъ... Пусть думаетъ, что меня какъ слъдуетъ отодрали...
- Ай да молодецъ мичманъ... Это онъ ловко придумалъ... А меня, Чижикъ, такъ очень больно высъкли...

Чижикъ погладилъ Шурку по головѣ и замѣтилъ:

— То-то я слышалъ и жалѣлъ тебя... Ну да что объ этомъ говорить... Что было, то прошло.

Наступило молчаніе.

Өедосъ хотѣлъ, было, предложить сыграть въ дураки, но Шурка, видимо чѣмъ-то озабоченный, спросилъ:

- Такъ ты, Чижикъ, думаешь, что мама не понимаетъ, что виновата передъ тобой?
- Пожалуй, что и такъ. А можетъ и понимаетъ, да не хочетъ показать виду передъ простымъ человѣкомъ. Тоже бываютъ такіе люди, которые гордые.

Вину свою чуютъ, а не сказываютъ...

- Хорошо... Значить, мама не понимаеть, что ты хорошій, и отъ этого тебя не любить?
- Это ейное дъло судить о человъкъ, и за то сердца противъ маменьки имъть никакъ невозможно... Къ тому же, по женскому званію, она и совстыть другаго разсудка, чъмъ мужчина... Ей человъкъ не сразу оказывается... Богъ дастъ, опосля и она распознаетъ, каковъ я есть, значитъ, человъкъ, и станетъ меня лучше понимать. Увидитъ, что хожу я за ея сыночкомъ какъ слъдуетъ, берегу его, сказки ему сказываю, ничему дурному не научаю, и что живемъ мы съ Васильичъ, согласно, Лександра сердце-то материнское, глядишь, свое и окажетъ. Любя свое дитё родное, и няньку евойную не станетъ утъснять дарма. Все, братецъ ты мой, временемъ приходитъ, пока Господъ не умудритъ... Такъ-то, Лександра Васильичъ... И ты зла не таи противъ своей маменьки, другъ мой сердечный! — заключиль Өедось.

Благодаря этимъ словамъ, мать была до нѣкоторой степени оправдана въ глазахъ Шурки, и онъ, просвѣтлѣвшій и обрадованный, какъ бы въ благодарность за это оправданіе, разрѣшившее его сомнѣнія, порывисто поцѣловалъ Чижика и увѣренно воскликнулъ:

— Мама непремѣнно полюбитъ тебя, Чижикъ! Она узнаетъ, какой ты! Узнаетъ!

Өедосъ, далеко не раздѣлявшій этой радостной уверенности, съ ласкою глядѣлъ на повеселѣвшаго мальчика.

А Шурка оживленно продолжалъ:

— Й тогда мы, Чижикъ, отлично заживемъ... Никогда мама не пошлетъ тебя въ экипажъ... И этого гадкаго Ивана прогонитъ... Это вѣдь онъ наговариваетъ на тебя мамѣ... Я его терпѣть не могу... И меня онъ такъ крѣпко давилъ, когда мама сѣкла... Какъ папа вернется, я ему все разскажу про этого Ивана... Вѣдь правда, надо разсказать, Чижикъ?

— Не говори лучше... Не заводи кляузъ, Лександра Васильичъ. Не путайся въ эти дѣла... Ну, ихъ! — брезгливо промолвилъ Өедосъ и махнулъ рукой съ видомъ полнѣйшаго пренебреженія, — правда, братъ, сама окажетъ, а жаловаться барчуку на прислугу, безъ крайности, не годится... Другой несмышленый да озорный ребенокъ и здря родителямъ пожалуется, а родители не разберутъ и прислугу отшлифуютъ. Небойсь, не сладко. Тоже и Иванъ этотъ самый... Хучь онъ и довольно даже подлый человъкъ, что на своего же брата господамъ брешетъ, а ежели по настоящему-то разсудить, такъ и онъ совъсть-то потерялъ не по своей напримѣръ, винъ. Онъ, ежели наушничать, такъ ты его, подлеца, въ зубы, да разъ, да два, да въ кровь, — говорилъ, загораясь негодованіемъ, Өедосъ. — Небойсь, больше не придетъ... А который господинъ ежели слушаетъ, слуга и повадится... И опять же: Иванъ все въ деньщикахъ околачивался, ну и вовсе безсовъстнымъ сталъ... Извъстно ихнее лакейское дъло: настоящей, значитъ, трудливой работы нътъ, а прямо сказать — одна только фальшъ... Тому угоди, тому подай, къ тому подлестись, — человъкъ и фальшитъ, да чтобы скуснве объвдки отращиваетъ, да брюхо господскіе сожрать... Будь онъ форменнымъ матросомъ, можеть, и Иванъ этой въ себъ подлости не имълъ... Матросики вывели бы его на линію... Такъ обломали бы его, что мое вамъ почтеніе!.. То-то оно и есть!.. И Иванъ сталъ бы другимъ Иваномъ... Однако брешу я, старый, только скуку навожу на тебя, Лександра Васильичъ... Давай-ка въ дураки, а то въ рамцу... Веселѣе будетъ... Онъ вынулъ изъ кармана карты, вынулъ яблоко

Онъ вынулъ изъ кармана карты, вынулъ яблоко и конфетку и, подавая Шуркъ, промолвилъ:

- На-кось, покушай...
- Это твое, Чижикъ...
- Ъшь, говорятъ... Мнѣ и скусу не понять, а тебѣ лестно... ѣшь!
- Hy, спасибо, Чижикъ... Только ты возьми половину.
- Развѣ кусочекъ... Ну, сдавай, Лександра Васильичъ... Да смотри опять не объегорь няньку... Третьяго дня все меня въ дуракахъ оставлялъ! Дошлый ты въ картахъ! промолвилъ Өедосъ.

Оба примостились поудобнѣе на травѣ, въ тѣни, и стали играть въ карты.

Скоро въ саду раздавался веселый торжествующій смѣхъ Шурки и намѣренно ворчливый голосъ нарочно проигрывающаго старика:

— Ишь въдь опять оставилъ въ дуракахъ... Нужъ и дока ты, Лександра Васильичъ!

XVIII.

Конецъ августа на дворѣ. Холодно, дождливо и непривѣтно. Солнца не видать изъ-за свинцовыхъ тучъ, окутавшихъ со всѣхъ сторонъ небо. Вѣтеръ такъ и гуляетъ по грязнымъ кронштадтскимъ улицамъ и переулкамъ, напѣвая тоскливую осеннюю пѣсню, и порой слышно, какъ реветъ море.

Большая эскадра старинныхъ парусныхъ кораблей и фрегатовъ уже возвратилась изъ долгаго крейсерства въ Балтійскомъ море подъ начальствомъ извъстнаго въ тъ времена адмирала, который, охотникъ выпить, говорилъ, бывало, у себя за объдомъ: «Кто хочетъ быть пьянъ, садись подлъ меня, а кто хочетъ быть сытъ, садись подлъ брата». Братъ былъ тоже адмиралъ и славился обжорствомъ.

Корабли втянулись въ гавань и

«развооружались», готовясь къ зимовкѣ. Кронштадтскіе рейды опустѣли, но за то затихшія лѣтомъ улицы оживились.

«Копчикъ» еще не вернулся изъ плаванія. Его ждали со дня на день.

Въ квартиръ у Лузгиныхъ стоитъ тишина, та подавляющая тишина, которая бываетъ въ домахъ, гдъ есть тяжело больные. Всъ ходятъ на цыпочкахъ и говорятъ неестественно тихо.

Шурка боленъ и боленъ серьезно. У него воспаленіе обоихъ легкихъ, которымъ осложнилась бывшая у него корь. Вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ онъ лежитъ пластомъ на своей кроваткѣ, исхудалый, съ осунувшимся личикомъ и лихорадочно блестящими глазами, большими и скорбными, покорно притихшій, точно подстрѣленная птица. Докторъ два раза ходитъ въ день, и его добродушное лицо при каждомъ посѣщеніи дѣлается все серьезнѣе и серьезнѣе, причемъ губы какъто комично вытягиваются, точно онъ ими выражаетъ опасность положенія.

Все это время Чижикъ находился безотлучно при Шуркъ. Больной настоятельно требовалъ, чтобы Чижикъ былъ при немъ, и радъ былъ, когда Чижикъ ему давалъ лъкарство, и улыбался подчасъ, слушая его веселыя сказки. По ночамъ Чижикъ дежурилъ, словно на вахтъ, на креслъ около Шуркиной кровати и не спалъ, сторожа малъйшее движеніе тревожно спавшаго мальчика. А днемъ Чижикъ успъвалъ бъгать и въ аптеку, и по разнымъ дъламъ и находилъ время смастерить какую-нибудь самодъльную игрушку, которая заставила бы улыбнуться его любимца. И все это дълалъ какъ-то незамътно и покойно, безъ суеты и необыкновенно быстро, и при этомъ лицо его свътилось выраженіемъ чего-то спокойнаго, увъреннаго и привътливаго, что успокоительно дъйствовало на

больного.

И въ эти дни сбылось то, о чемъ говорилъ въ саду Шурка. Обезумъвшая отъ горя и отчаянія мать, сама похудъвшая отъ волненія и не досыпавшая ночей, только теперь начала узнавать этого «безчувственнаго, грубаго мужлана», невольно дивясь той нъжности его натуры, которая обнаружилась въ его неустанномъ уходъ за больнымъ и невольно заставила мать быть благодарной за сына.

Въ этотъ вечеръ вѣтеръ особенно сильно завывалъ въ трубахъ. Въ морѣ было очень свѣжо, и Марья Ивановна, подавленная горемъ, сидѣла въ своей спальной... Каждый порывъ вѣтра заставлялъ ея вздрагивать и вспоминать то о мужѣ, который шелъ въ эту ужасную погоду изъ Ревеля въ Кронштадтъ, то о Шуркѣ.

Докторъ недавно ушелъ, серьезнѣе чѣмъ когдалибо...

— Надо ждать кризиса... Богъ дастъ, мальчикъ вынесетъ... Давайте мускусъ и шампанское... Вашъ деньщикъ — отличная сидълка... Пусть онъ продежуритъ ночь около больнаго и даетъ ему, какъ приказано, а вамъ слъдуетъ отдохнуть... Завтра утромъ буду...

Эти слова доктора невольно возстаютъ въ памяти, и слезы льются изъ ея глазъ... Она шепчетъ молитвы, крестится... Надежда смѣняется отчаяніемъ, отчаяніе — надеждой.

Вся въ слезахъ она прошла въ дѣтскую и приблизилась къ кроваткѣ.

Өедосъ тотчасъ же всталъ.

— Сиди, сиди пожалуйста, — шепнула Лузгина и заглянула на Шурку.

Онъ былъ въ забытьъ и прерывисто дышалъ... Она приложила руку къ его головъ, — отъ нея такъ и пышало жаромъ.

«О, Господи!» — простонала молодая женщина, и слезы снова хлынули изъ ея глазъ...

Въ слабо освъщенной комнатъ царила тишина. Только слышалось дыханіе Шурки, да порою доносился сквозь закрытыя ставни заунывный стонъ вътра.

- Вы бы шли отдохнуть, барыня, почти шепотомъ проговорилъ Өедосъ, не извольте сумлъваться... Я все справлю около Лександра Васильича...
  - Ты самъ не спалъ нѣсколько ночей.
- Намъ, матросамъ, дѣло привычное... И я даже вовсе спать не хочу... Шли бы, барыня! мягко повторилъ онъ.
- И, глядя съ состраданіемъ на отчаяніе матери, онъ прибавилъ:
- И, осмѣлюсь вамъ доложить, барыня, не приходите въ отчаянность. Барчукъ на поправку пойдетъ.

- Ты думаешь?
- Безпремѣнно поправится! Зачѣмъ такому малому умирать. Ему жить надо!

Онъ произнесъ эти слова съ такою увѣренностью, что надежда снова оживила молодую женщину.

Она посидъла еще нъсколько минутъ и поднялась.

- Какой ужасный вѣтеръ! проронила она, когда снова съ улицы донесся вой. Какъ-то «Копчикъ» теперь въ морѣ?.. съ нимъ не можетъ ничего случиться? Какъ ты думаешь?
- «Копчикъ» и не такую штурму выдерживалъ, барыня. Небойсь, взялъ всѣ рифы и знай покачивается себѣ, какъ боченокъ... Будьте обнадежены, барыня... Слава Богу, Василій Михайлычъ форменный командиръ...
- Ну, я пойду вздремнуть... Чуть что, разбуди.
  - Слушаю-съ. Покойной ночи, барыня!
- Спасибо тебѣ за все... за все! прошептала съ чувствомъ Лузгина и, значительно успокоенная, вышла изъ комнаты.

А Чижикъ всю ночь бодрствовалъ, и когда на слѣдующее утро Шурка, проснувшись, улыбнулся Чижику и сказалъ, что ему гораздо лучше и что онъ хочетъ чаю, Чижикъ широко перекрестился, поцѣловалъ Шурку и отвернулся, чтобы скрыть подступавшія радостныя слезы.

На другой день вернулся Василій Михайловичъ.

Узнавши отъ жены и отъ доктора, что Шурку выходилъ, главнымъ образомъ, Чижикъ, Лузгинъ, счастливый, что обожаемый сынъ его внѣ опасности,

горячо благодарилъ матроса и предложилъ ему сторублей.

- При отставкъ пригодятся, прибавилъ онъ.
- Осмѣлюсь доложить, вашескобродіе, что денегъ взять не могу! проговорилъ нѣсколько обиженно Чижикъ.
  - Почему это?
- A потому, вашескобродіе, что я не изъ-за денегъ за вашимъ сыномъ ходилъ, а любя...
- Я знаю, но все-таки, Чижикъ... Отчего не взять?
- Не извольте обижать меня, вашескородіе... Оставьте при себ'в ваши деньги.
- Что ты?.. я и не думалъ тебя обижать!... Какъ хочешь... Я тоже, братъ, отъ чистаго сердца предлагалъ! несколько сконфуженно говорилъ Лузгинъ.

И, взглянувъ на Чижика, вдругъ прибавилъ:

— И какой же ты, я тебѣ скажу, славный человѣкъ, Чижикъ!..

XIX³.

Өедосъ благополучно пробылъ у Лузгиныхъ три года, пока Шурка не поступилъ въ морской корпусъ, и пользовался общимъ уваженіемъ. Съ новымъ деньщикомъ-поваромъ, поступившимъ вмѣсто Ивана, онъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

И вообще жилось ему эти три года не дурно. Радостная въсть объ освобождении крестьянъ пронеслась по всей Россіи... Повъяло новымъ духомъ, и сама

³ Текстъ главы принятъ изъ: Станюковичъ, К. Собраніе сочиненій К.М. Станюковича: Т. 1-13. – Москва: А.А. Карцевъ, 1897-1900. – 13 т.; 22. Жрецы; Черноморская сирена; Нянька; Матроска; Маленькіе моряки. – 1898. – [4], 553 с. – С. 424.

Лузгина какъ-то подобрѣла и, слушая восторженныя рѣчи мичмановъ, стала лучше обходиться съ Анюткой, чтобы не прослыть ретроградкой.

Каждое воскресенье Өедосъ отпрашивался гулять и послѣ обѣдни шелъ въ гости къ пріятелю боцману и его женѣ, философствовалъ тамъ и къ вечеру возвращался домой, хотя и порядочно «треснувши», но, какъ онъ выражался, «въ полномъ своемъ разсудкѣ».

И госпожа Лузгина не сердилась, когда Өедосъ, случалось, при ней говорилъ Шуркъ, отдавая ему непремънно какой-нибудь гостинецъ:

— Ты не думай, Лександра Васильичъ, что я пьянъ... Не думай, голубокъ... Я все, какъ слъдуетъ, могу справить...

И словно бы въ доказательство, что можетъ, забиралъ сапоги и разное платье Шурки и усердно ихъчистилъ.

Когда Шурку опредълили въ морской корпусъ, вышла и Өедосу отставка. Онъ побывалъ въ деревнѣ, скоро вернулся и поступилъ сторожемъ въ петербургскомъ адмиралтействъ. Разъ въ недълю онъ обязательно ходилъ къ Шуркъ въ корпусъ, а по воскресеньямъ навъщалъ Анютку, которая, послъ воли, вышла замужъ и жила въ нянькахъ.

Выйдя въ офицеры, Шурка, по настоянію Чижика, взялъ его къ себъ. Чижикъ вмъстъ съ нимъ ходилъ въ кругосвътное плаванье, продолжая быть его нянькой и самымъ преданнымъ другомъ. Потомъ, когда Александръ Васильевичъ женился, Чижикъ няньчилъ его дътей и семидесятилътнимъ старикомъ умеръ у него въ домъ.

Память о Чижикъ свято хранится въ семъъ Александра Васильевича. И самъ онъ, съ глубокою любовью вспоминая о немъ, неръдко говоритъ, что самымъ лучшимъ воспитателемъ его былъ Чижикъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Изданіе данной книги осуществляется при поддержкѣ Благотворительнаго фонда возстановленія церкви Святой Живоначальной Троицы съ часовней въ Язвищахъ (https://xram-v-yazvichax.ru), занимающагося реставраціей храма, расположеннаго въ селѣ Язвищи Боровенковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка... Смѣнялись поколѣнія... Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трехъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разъѣхались въ города... Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ умерли еще десятки подобныхъ селъ и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человѣкъ, о чемъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвищахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, оскверненный, но величественный – и ждетъ...

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ все вернется, т. к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли пленкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкъ научно-проектной документаціи.

Если Вы имъете возможность помочь намъ въ дълъ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчетный счеть получателя: 40703810655100000343 въ Съверо-Западномъ банкъ ПАО «Сбербанкъ Россіи», Санктъ-Петербургъ.

ИНН получателя: 7816290748.

Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой Троицы въ Язвищахъ.

Счетъ Банка получателя: 30101810500000000653. БИК Банка получателя: 044030653.

Назначеніе платежа: Благотворительное пожертвованіе.

Поддержать насъ можно черезъ мобильное приложеніе вашего банка воспользовавшись QR-кодомъ (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвованія). Въ этомъ случаѣ средства поступять на расчетный счеть.

Съ вопросами вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

Человѣка, доброхотно дающаго, любитъ Богъ, и недостатокъ дѣлъ его восполнитъ.

[Книга Притчей Соломоновыхъ 22:8]